

Слово Донбасса

Владимир Нестеренко

ДОНБАССКИЙ МЕРИДИАН

Владимир Георгиевич Нестеренко

Донбасский меридиан

Серия «Слово Донбасса»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71907571

Донбасский меридиан / Владимир Нестеренко: Вече; Москва; 2025

ISBN 978-5-4484-5201-7

Аннотация

Новый сборник рассказов известного красноярского писателя Владимира Нестеренко «Донбасский меридиан» полностью посвящен событиям на востоке Украины. И, конечно, это рассказы о людях, отмеченных тяжелой печатью войны. О подвиге россиян – мобилизованном рядовом Евгении Кудинове, Герое России, о священнике отце Романе, добровольце, взявшем необычный позывной – «Пересвет». Подвиги совершают и другие герои рассказов, рискуя жизнью, здоровьем, будущим ради спасения других. И не ради славы – нет, а просто потому, что все они – русские!..

Содержание

Парень из Покровки	5
Отец Роман – Пересвет	27
Обида	40
Портрет	61
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Владимир Нестеренко

Донбасский меридиан

© Нестеренко В. Г., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

Парень из Покровки

На фотографии, которая облетела весь мир, поскольку размещена в Сети, стоят два крепких, широкоплечих человека, пожимая друг другу руки. Лица сосредоточенные и торжественные. Это Президент России Владимир Путин и гвардии рядовой Евгений Кудинов из села Покровки Красноярского края. Солдат немного выше, а на широкой груди сияет Золотая Звезда Героя России, только что прикреплённая к кителю Владимиром Владимировичем в одном из залов Кремля. На календаре 19 декабря 2023 года.

– Героем себя не считаю, – скажет потом Евгений Александрович. – Неожиданно, но приятно!

Вот такая скромность у российского десантника, активнейшего участника Специальной военной операции.

Знаем ли мы свои возможности в полной мере, готовы ли к сознательному подвигу? Скорее всего ответ даст далеко не каждый человек. И лишь в сложной ситуации, можно сказать смертельной, у людей, сильных духом, проявляется героизм. При этом сам воин не задумывается над своими поступками, он действует по обстоятельствам, смело и расчетливо, чем спасает жизнь себе и своим товарищам по оружию. Нередко это происходит в состоянии аффекта, порождённого боевой обстановкой.

И все же мечтает ли воин о подвиге на передовой? Почему

бы и нет! Во всяком случае, подспудно, признаваясь себе – да. В шутках в среде боевых товарищей звучит желание отличиться хотя бы на медаль, не отказываясь и от ордена! Всё может быть в лихое окопное время: удача и слава, ранение или смерть. Лучше всего, конечно, победа и мирная жизнь, любовь и семья.

В то грозное утро 18 августа гвардии рядовой Кудинов и ещё четверо его боевых товарищей находились на передовой в окопе под Работино Запорожской области. Выполняя боевую задачу по отражению контрнаступления противника, группа попала в окружение.

Сначала никто из них не знал, что оказались в западне, лишь спустя несколько часов поняли, в какой сложной ситуации находятся. Осмотрелись. Местность ровная, впереди лесополоса.

– Будем окапываться и держаться до выяснения обстановки, – распорядился рядовой Кудинов, как старший группы.

В ход пошли испытанные и надежные в любой ситуации саперные лопатки. Со своим батальоном установили связь, основные силы которого находились неподалеку. Последовал приказ: «Продолжать выполнять задачу». То есть находиться на острие атак противника, противостоять. Панического настроения у десантников не было, времени для укрепления окопа достаточно. В боевом снаряжении стрелковое оружие с полной носильной нормой патронов, гранатомёт с боекомплектom, средства связи, в рюкзаках провизия. Вы-

стоим!

16–17 августа. Окоп под Работино. Стояла жара, противник активности пока не проявлял, скорее всего не знал, что русские десантники оказались в ловушке. Запас воды быстро кончился, стала одолевать жажда. Потом Евгений с иронией рассказывал: «Нам повезло: ночью прошёл обильный дождь, и мы выпили все лужи, какие оказались поблизости».

Пить из луж, где земля горела и пропахана огнём своим и противника, где лежат, разлагаясь, необработанные трупы, небезопасно, можно легко подцепить инфекцию и сидеть с болями в желудке и кишечнике. Вести бой больному трижды тяжелее. Однако из двух зол парни выбрали наименьшее. Жажда тоже не подарок. Русский человек терпелив и покладист, довольствуется малым и, как говорится, счастлив. И вот пошли третьи сутки. Секундные сеансы связи о положении десантников все же позволили противнику засечь, где находится группа. Последовал мощный огневой накат. Он оглушал и угнетал, за ним, несомненно, последует атака противника. Высунуться – значит потерять бездарно жизнь и пропустить прорыв атакующих. Опыт подсказывал, что, пока идёт бешеная «арта», ни танки, ни пехота зомбированных нацистов не двинутся. Стихнет – тогда не жуй варенку, встречай врага горячим свинцом.

Как многих мальчишек, Женю в школе интересовала военка. Он с удовольствием слушал уроки истории о различных битвах, о победе русского оружия и, конечно, с любо-

вью относился как к древним военным кумирам, так и к современным. В мальчишеских играх стремился подражать героям. Он выглядел довольно щуплым в бесконечном движении у себя в сельской усадьбе в Покровке, и особенно в школе на переменах, говорливый непоседа и забияка с кучей замечаний и упреков от преподавателей, правда, только в адрес шаловливого поведения от избытка энергии, но не успеваемости по предметам. Тут у Жени всё хорошо. Надолго запомнилась одна неприятная стычка со старшеклассником. На общешкольной линейке у него спросили:

– Кудинов Женя, объясни, почему ты не уступил старшему?

– Он хамил и обидно подсмеивался над слабыми. Я заступился.

Класс его поддержал, поскольку Женька был правдив и прав.

Утро, 18 августа. Окоп под Работино. Как только стихли разрывы снарядов над расположением группы, в ушах зазвенела тишина, которую солдаты стремились стряхнуть кто руками, кто резким покачиванием головы с нахлобученным шлемом, кто, зажмурившись, ждал, когда оцепенение пройдёт и начнётся бой. Осмотрелись. С отчаянием и горечью увидели: двое корчатся в предсмертных судорогах. Не раз убеждались, что на той стороне фронта сила огромная, собранная отовсюду, хорошо вооружённая, особенно много дальнобойной артиллерии и бронетехники. Враг мало би-

тый, самоуверенный и наглый. Во время артналета состоялся короткий сеанс связи с батальоном: «Перед группой сосредотачивается бронетехника и пехота. Отбить атаку имеющимися средствами. Ждите помощь».

Огневых средств в группе достаточно. Сил очень мало. артогонь выбил из строя двоих. Евгений имел опыт боев, его товарищи плохо обстрелянные. Он знал только одного Андрея Волкова и приказал ему прикрывать правый фланг. Фамилий остальных не запомнил, поскольку присутствие в отделении или взводе бывает скоротечное.

Послышался глухой говор танка. Ближняя лесополоса, истерзанная огнём, частью сгоревшая на корню, частью с поваленными деревьями глушила звуки и мешала точно определить расстояние. Где-то недалеко. Кудинов напряг слух. Он у него был отменный в противовес зрению, из-за которого после школы не смог поступить в кадетское училище, что огорчило, и после выпускного бала вскоре был призван на срочную службу в мотопехотную дивизию, где учился владеть различным оружием. Удавалось неплохо. В солдатских рядах незаметно подтянулся в росте, окреп физически, обретая боевые качества стрелка. Отслужил, вернулся на малую родину, перспективы устроиться на работу с достойной зарплатой не было, перебрался в Красноярск. Строительная индустрия города всегда нуждается в крепких рабочих руках. Евгений освоил специальность монтажника и влился в строительную организацию. Как и многие его сверстники,

по существу, стоял у истоков взрослой жизни, которая сулила солнечное половодье удач на основе его активной жизненной позиции, энергии и трудовой закалки, полученной в юности. Понимал, что будут хмурые дни, но надеялся на себя, на своё упорство в достижении цели. Работа подходящая нашлась, требовалось жилье, как второе необходимое условие для полноценной жизни, жизни семейной, поскольку рано женился, создав семью. Дела, казалось, не давали отката, выстраиваясь по ранжиру потребностей. Вдохновила первая семейная радость: жена Танюшка родила дочь! Острее встал вопрос с жильём, стали искать варианты приобретения квартиры, один из которых – ипотека. Мирные и почти устоявшиеся будни и планы нарушила мобилизация резервистов. Евгений несколько не удивился, получив повестку о мобилизации на Специальную военную операцию по защите жителей Донбасса, но, увидев заплаканную от неприятного известия Танюшку с трехмесячной дочкой на руках, огорчился.

– Таня, успокойся. Чему быть, того не миновать. Я не из робкого десятка, выдержу все нагрузки и вернусь к тебе с победой! Верь и жди меня, как в знаменитом стихотворении Симонова:

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,

Он уехал в учебно-тренировочную базу в конце сентября 2022 года, жена осталась жить у родственников. С участью смирилась, как все простые русские женщины в нашей огромной стране смиряются, продолжают жить со стойким мужеством, заменяя на рабочих местах своих мужей. У Тани в данном случае иначе: она находилась в декретном отпуске, и без её трудовых услуг страна пока обходилась. Но она верила в слова своего любимого. Это главное! Он неунывающий оптимист, такой же энергичный и инициативный, каким был в школе, в делах на сельской усадьбе, при случае звонит, посылает воздушные поцелуи, подкрепляет бюджет семьи солдатскими выплатами. Товарищи по оружию по-хорошему завидовали молодой семье. Как ни тяжела армейская лямка, опасны будущие бои, а страх и неизвестность не могли заглушить воспоминания о доме, о семье, о счастливых минутах. Наоборот, опасность обостряет чувства любви, стремление устоять и вернуться с победой.

Как-то так сложилось, что Евгений всюду проявлял инициативу, потому и в окружении взял на себя командирские функции в отражении атаки. Потом он все с той же иронией говорил: «Кто везёт, того и погоняют».

Таков характер, из которого, как ручей, звонкий и чистый, вытекает активная жизненная позиция – брать на себя больше, чем положено по штату, то есть не прятаться за спины товарищей. Боевая служба в СВО началась для рядового Кудинова с пятого октября 2022 года – сначала в Херсоне в со-

ставе десантного полка, затем, после отступления, в Херсонской области, до конца июля 2023 года.

56-й полк вышел из города организованно, без потерь личного состава и боевого снаряжения. Но во время сосредоточения десантников накрыл ошеломляющий огневой вал противника американскими боеприпасами крупного калибра, при хорошей корректировке неизвестного диверсанта. Потери оказались внушительными, в том числе офицерского состава.

– Рядовой Кудинов, – прохрипел раненый взводный офицер, – возьмите отделение и выносите раненых из-под огня.

Убитых и раненых в полку оказалось много. Евгений с медиками спасал раненых, доставляя их в санбат, собирал и выносил «двухсотых», с энергией брался за любое дело и выполнял приказы быстро и точно, замещая погибшего взводного офицера. Его многогранная инициатива была замечена и отмечена медалью «За отвагу». Кстати, рядом с Евгением нес службу его старший брат Сергей, награждённый медалью Жукова.

Херсон – наша боль. Отступление из города в среде военных и общественности вызывает разноречивые мысли и толкования. Контрнаступление противника на стратегический плацдарм южной группировки сил, разрушение Антоновского моста и других переправ, затруднили материальное снабжение войск, хотя атакующие несли огромные потери на степных просторах под Херсоном. Командующий гене-

рал Суrowикин доложил министру обороны о предстоящем «тяжелом решении» аргументированно. Министр обороны Шойгу согласился и отдал приказ о выводе войск и эвакуации гражданского населения, которая, кстати, шла постоянно. Суждений рядовых участников СВО, политологов, философа Дугина о том, что Херсон надо держать любой ценой, никто не слушал. Однако ясно было то, что это крупное поражение как в военном отношении, так и в политическом. Оценка разумного действия или отрицательного будет дана позднее, после победы. Слишком много накопилось безответных вопросов, а в свете недавних разоблачений коррумпированных генералов Министерства обороны РФ, отвечающих за снабжение армии, медицинское обеспечение, финансирование, на совести которых кровь воинов и мирного населения, возникает неоспоримое – предательство интересов россиян и армии. И, конечно же, потеря стратегического плацдарма – это угнетение боевого духа. Когда-то теперь он выровняется? Потери людские не вернешь. Они значительно возрастут при штурме утраченной цитадели. Дома и улицы превратятся в руины, как Мариуполь, Артемовск, Марьинка...

Козырь херсонского успеха в руках врага налицо. Перед лицом Запада противник доказал свою мощь, а потому президент Зеленский с пеной у рта нагло стал требовать от своих хозяев самую активную поставку вооружения и денежных траншей. Мы знаем, что нацисты её получили, вооружив-

шись «до зубов», и продолжили в дальнейшем безуспешное наступление, неся огромные потери. С фактом, как говорится, не поспоришь. И тем не менее плацдарм для наступления на Николаев и Одессу был утерян.

Хронологию событий Евгений сейчас точно воспроизвести не может, поскольку записей не вел. Он дважды получил контузию средней тяжести и одну легкую. Проходил короткую реабилитацию, даже побывал в Крыму и возвратился в строй. Не ему судить, насколько оправдано оставление Херсона, но за отступлением прослеживалась недостаточная подготовка войск к обороне, отсутствие опыта ведения как наступательных, так и оборонительных боев, той тактики, которую постепенно осваивали. Споров на эту тему на разных уровнях было много, как и потерь.

Между тем в войсках стали ходить упорные слухи о том, что на передовую не довозят много чего: обмундирования, боеприпасов, провизии. Потому во время боевой подготовки на тренировочных базах огневая подготовка велась из рук вон плохо, а комплекты обмундирования не выдерживали критики. Солдаты вынуждены сами экипировать себя, особенно по части шлемов и бронежилетов. Возникал вопрос: неужели у государства нет средств и сил для полноценного снабжения войск? Не верилось! И точно: государство имело внушительные запасы, но полтора миллиона комплектов первоклассного обмундирования не дошло до воюющей армии. Стали искать концы, оказалось, ком-

плекты попросту украдены, а вот кому и где реализованы – неизвестно. Назван генерал-расхититель, на совести у которого многие смерти солдат и офицеров, не получивших защитные средства, предназначенные оберегать воинов от осколков и пуль. Чудовищный случай воровства, чудовищный смысл преступления! Как же изжить зло, задаются вопросом и участники СВО, и граждане страны? Вариантов несколько: жесткий контроль и неотвратимость сурового наказания виновных. Президент Путин высказывает своё намерение формировать управленческий аппарат из сражающихся на СВО солдат и офицеров, поскольку им чести не занимать. Вот из таких инициативных и честных парней, как Евгений Кудинов, с перспективой дальнейшего обучения.

Утро, 18 августа. Окоп под Работино. Трескучий грохот танка нарастал. В окопе оставшиеся в живых бойцы его слышали, но не видели, что нагнетало нервозность. Евгений машинально поправил на голове шлем, словно он плохо сидел, вслушался в резкий рокот мотора, выглянул из окопа, ничего не увидел, подхватил гранатомёт и собрался выскочить из укрытия.

– Ты куда, Женька? – услышал вопрос Андрея Волкова.

– Посмотрю, что там творится. Тут дорога рядом и лесополоса. Танк, думаю, там. А ты прикрой правый фланг, если покажется пехота.

Он рывком выскочил из окопа, неся на плече гранатомёт. Аппарат хоть и подъёмный, но не для слабаков. Для него в

самый раз. Он жилистый, мускулистый, с детства волохал по хозяйству, добывая приварок к маминой скромной зарплате. У мамы – Надежды Анатольевны, оставшейся без мужа, инвалидность, пятеро детей. Четверо парней и одна дочь. Как в старинной патриархальной крестьянской семье. Огород с картошкой, овощами, поросенок с коровой в стае, куры. Для них корм добывали всей семейной оравой, натирая мозоли. Известно, у коровы молоко – на языке, как покормишь, так и молочка получишь. Если богато и качественно дашь, то и надой ведерный возьмёшь, а это сметана, масло, творог, а с бычка, что выращивали как приплод – мясо. Поросёнок тут же под центнер. Зимой пельмени, беляши, гуляши, вареники, чего ж не поработать по хозяйству, стол обильный не поддержать! Может, потому Женя в последний школьный год подался в росте, обгоняя сверстников, с блеском жизнерадостности ярких глаз, а в армии его фигура обрела тот крепкий мужской облик, каков он и теперь.

– Гляди, не лезь на рожон, – услышал вдогон Евгений предупреждение Андрея Волкова. Парень из Покровки не отреагировал, не отступился, как не отступился от роли Хлестакова в комедии Гоголя «Ревизор», которую ставила школьная труппа самодеятельных артистов.

– На Хлестакова замахнулся, куда тебе, не потянешь!

– Попробую. Волков бояться – в лес не ходить, слышал такое?

– Ну-ну. Смотри, не провались. Засмеют.

– Я все же попробую...

Там, в школьном театре, на кону честь настырного паренька, в случае неудачи – насмешки. Здесь на кону либо смелость и решительность – жизнь, робость или трусость – смерть! Женя выбирает жизнь. Без громких фраз патриотизма, но с пафосом рассудительного смельчака. В эти минуты он ни о чём постороннем не думал, только о схватке, на которую пошёл добровольно. Детали огневого боя, по словам ветеранов, в точности воспроизвести очень сложно. Схватка проходит в нервном напряжении души, зашкаливая все отметки. Ты словно находишься на острие ножа, неверное движение – и кровь! О том, как будет действовать, тоже вроде не думал, но шел поражать врага: всё решится быстро и по ходу дела. Но холодок меж лопаток ощущал, не от страха, а от собранности, возможно, хладнокровия и злости.

Лесопосадка недавно шумела листвой, теперь стояла сожжённая, с покореженными от снарядов стволами. Оттуда несло жжёной землей и трупным удушливым запахом украинских «двухсотых», попавших под наш огневой вал. Их никто не убирал, не так, как он выносил из-под огня погибшего товарища, как это делали другие наши солдаты. Трупов было много, на них слеталось воронье, сбегались крысы и мыши. Будет ли эта пропаренная тротилом земля пригодна для плодоношения?

В родной Покровке леса большие, хвойные, вечнозелёные, в летнюю пору манят к себе грибными россыпями бе-

лянок, груздей, рыжиков. Их собирали обильно, выносили корзинами и вёдрами, вымачивали и делали грибную икру, мариновали и солили с хреном, чесноком, с листом смородины. Настоящее объедение со свиным салом в придачу. Здесь он не знал, есть ли вообще такие грибы.

10.30, 18 августа. У окопа под Работино. Гуськом пробежал к тянущейся вдоль леса дороге. И замер: впереди зелёной массой в нескольких десятках метров ворочался танк. Он только что вынырнул из редколесья, крутил башней, изучая местность напротив, отыскивая цель. Солдат с гранатомётом, с высокой каской на голове, в камуфляже застыл на краю дороги довольно внушительной глыбой. У танкистов эта человеческая фигура может оказаться как на ладони. Несколько секунд – и длинная пулемётная очередь срежет смельчака. И аллилуйя! Высунулся – получи!

Тут кто быстрее. Ходят разговоры, подкрепленные наглядными примерами, что нацисты гонят малообстрелянных мужиков в атаку, накачав их наркотиками бесстрашия. Действительно, это временное бесстрашие есть. Укры прут в полный рост и гибнут от меткого огня из «калашей» или штурмовых многозарядных винтовок русских. Примеров сколько угодно, об этом красноречиво говорит ломка пленных солдат. Но Евгений не знал, накачивают ли «бесстрашием» танкистов. Если да, то бдительность экипажа теряется, но насколько, сказать трудно. Но в любом случае счёт идёт на секунды. У Евгения не больше десяти. Решение –

немедленно ударить, вскинуть гранатомет на плечо, привести в боевую готовность, встать на одно колено, прицелиться и нажать на пусковую скобу – выстрелить! Все движения единые, десятисекундные, каждое из которых тянет на золотой слиток. Нет, гораздо дороже – на его молодую жизнь.

Потом он скажет своим товарищам:

– Я оказался проворнее и упорнее противника. От первого моего выстрела танк поврежден не был и ответил огнём. Пришлось возвращаться в окоп за перезарядкой, и только с третьего моего выстрела танк сначала замер, что-то в нём вспыхнуло, повалил чёрный дым, и машина стала уползать в лес, там заглохла. Атака бронетехники захлебнулась. Противник сунулся пехотой, но был отброшен нашим метким огнем. Андрей Волков, активный боец, получил ранение в щеку. Кровь заливала его лицо. Вести бой он дальше не смог. В дальнейшем, к сожалению, парень погиб смертью храбрых.

Что стоит за этой скупой, но точной обрисовкой боя? Хладнокровие смелого человека и выучка бойца, крепость духа и убежденная правота русского солдата!

День, 18 августа. Окоп под Работино. Евгений практически остался в окопе невредимым один, если не считать легкую контузию от близких разрывов снарядов, гула и боли в голове. Буквально неделю назад его зацепило в правую руку. В санбате оказали помощь, он вернулся в роту, получил боевую задачу и вот отбивает атаку. Под треск автоматов раздался позывной и приказ:

«Держитесь, помощь на подходе».

Короткое: «Есть!» и умолчание о том, что остался практически в строю один из пятерых. Третьи сутки, уплотнённые смертельной опасностью, атакой, ранением и гибелью товарищей заканчивались. В окоп спрыгнули ребята из взвода. Оставшиеся в живых спасены!

О характере боя в окружении 18 августа 2023 года, отбитой атаки в вышестоящий штаб полетел рапорт, а вскоре и наградные документы. Мотивировка наградной на рядового Кудинова Евгения Александровича изложена кратко, но по существу: рядовой Кудинов первый показал крепкий дух воина, проявил личную инициативу, подбил танк, и его подвиг решительно повлиял на исход боя.

Да, бывает ситуация, когда один стоит сотни, своим поступком подстёгивает остальных товарищей, хотя многие под стать отличившемуся воину.

– Повезло тебе, Женя, повезло! – говорили его товарищи, то обнимая, то хлопая парня в грудь. – Скатертью тебе дорога в Кремль, а туда по пустякам не вызывают. Полетишь за наградой!

Это было понятно, но за какой? До солдат его роты полная весть пока не дошла. И только в вышестоящем штабе, где Евгений получал командировку, проездные, парадную форму гвардейца, шепнули:

– Сам президент пожмёт тебе руку и прикрепит на китель Звезду Героя России! Гордись! Что на это скажешь?

– Да, неожиданно, но приятно! – ответил Евгений, расплываясь в улыбке, не веря в услышанное, одновременно ощущая, как горячая волна радости окатывает его с головы до ног.

Переезды, ожидания, перелёты складывались в десятки часов. Волнения и радость. Он дал зарок не раскрывать перед родными главную причину до тех пор, пока Звезда не засияет у него на груди. Особенно оберегал от подробностей жену Таню, боясь её перепугать грозной обстановкой боя. Правда, сообщил о командировке в столицу, пообещав скорую встречу в предоставленном отпуске.

И вот наступило 19 декабря 2023 года. Кремль, зал, группа из девяти человек: подполковник Сергей Ирхин, капитан Айнура Сафиуллин, майор Андрей Митяшин, старший лейтенант Роман Дебелый, лейтенант Темирлан Абуталимов, младший лейтенант Алексей Спесивцев, сержант Евгений Супаков, младший сержант Вячеслав Мацкевич и рядовой Евгений Кудинов, в парадной форме, с одухотворенными, но напряженными лицами в минуты ожидания и обоюдного знакомства. Появился Президент Владимир Владимирович Путин, широкой размеренной походкой подошёл к группе, с каждым поздоровался, произнёс короткую речь благодарности за героическое исполнение своего воинского долга в вооруженной борьбе за свободу Родины и стал вручать каждому присутствующему Золотую Звезду Героя России, на несколько секунд зафиксировав своё рукопожатие для ис-

торического фото.

Случайностей и неожиданностей на линии соприкосновения много. Порой от иной жизнь твоя висит на волоске. Однажды Кудинов вызвался осмотреть «передок». Втроём двинулись в неизвестность. Было холодно, резкий ветер сковывал движения и снижал бдительность. Решили разделиться. Евгений вышел к траншее и увидел сидящего грязного, возможно, раненого солдата. Форма одежды у нас не вполне схожая, но она настолько была испачкана землей и глиной, что не разберешь, чья. И лишь трезубец указывал, что это противник.

– Я не мог рискнуть и вступить с ним в огневой или в рукопашный бой, – рассказывает Евгений, – не зная, есть ли рядом ещё их солдаты, во-вторых, мне надо было довести разведку до конца, отыскать своих товарищей, вернуться и доложить. Столкнувшись, не растерялся, спросил: «Не проходили ли тут двое штурмовиков?»

– Нет, не видел, – ответил солдат, не поворачивая головы, с явным безразличием ко мне, и, пожалуй, к своему положению уставшего и замёрзшего человека, которого бросили на передовую драться за безумный киевский режим с выпестованной ненавистью к русским. Я поспешил скрыться в посадке, сознавая, что родился в рубашке, ибо живым в плен бы не сдался.

В холода страшно досаждают мыши и крысы. Ночами они проникают в блиндажи и крытые оборудованные окопы, за-

бираются в рюкзаки, портят продукты. Раньше мало кто верил в случаи, когда боевая техника немцев под Сталинградом вдруг отказывала из-за замкнувшей электропроводки, якобы поврежденной грызунами. Такое случилось в морозную зиму с техникой 22-й танковой дивизии и в 204-м полку фашистов. Говорят, что Сталин рассмеялся, когда ему рассказали, как мыши подгрызли технику фельдмаршала Паулюса. Причину долго не могли выяснить. Оказалось, что мыши, забравшись в моторную часть, обгрызали изоляцию на проводах, и она при включении зажигания перегорала. Хваленая натовская техника также страдает от мышей, поскольку некоторые защитные оболочки электропроводов сделаны из кукурузного волокна, что приходится по вкусу грызунам. Теперь бойцы в такую информацию верили, получив в качестве диверсантов мышей и крыс, что вызывает иронический и гневный смех у бойцов Донбасса.

Окопная лямка от постоянного напряжения может лопнуть, если солдатам не давать передышки. Такое случается, если прибывают волонтеры в ближайший тыл. Кроме технического оснащения, ребята привозят что-то полакомиться: например, добрую ветчину, сыр, свежую сдобу, малосольные огурчики, фрукты, что прекрасно годится на закуску с фронтовыми сто граммами. Спиртное не афишируется, но всегда есть, и парни из окопов прихватывают в холодные дни для «сугрева» и не только, а чаще всего, чтобы расслабиться, преодолевая военный многосуточный марафон. Его выдер-

живает не каждый. Бывают случаи истерического страха и паникерства. С такими в разведку не пойдёшь. Однажды Евгений видел, как малообстрелянный солдат в ходе атаки противника выскочил из траншеи и бросился сдаваться. Эпизод этот долго не выходил из головы, обсуждался и осуждался меж солдатами и офицерами. Вывод, по существу, один: позорный, рабский страх сковал волю человека. Он просто оказался слаб, страх сожрал его со всеми потрохами. Слава богу над Евгением Кудиновым страх не доминирует. Он загоняет его в угол, мобилизуя на борьбу с ним все свои душевные силы. Выражается такое состояние человека одним ёмким словом – смелость! Откуда она берётся – вопрос философский, чаще всего необъяснимый.

Дальше Евгения Александровича ждала жаркая встреча с родными и друзьями в Красноярске, в Покровке. Таня с дочкой, счастливая и гордая за своего мужа; мама со слезами радости на глазах. Была оказана честь Герою России губернатором края Михаилом Михайловичем Котюковым, главой Уярского района Павлом Грызуновым. Надежда Анатольевна, мать пятерых детей, инвалид труда, всегда верила в способности своего сына, в то, что привитое ею трудолюбие детям выльется в добро и счастье семейное. Но тут Же-ня превзошёл всякие ожидания и воображение: надо же так отличиться, что сам президент поздравлял сына с воинской удачей на передовой, жал ему руку и наградил Звездой Героя России! У неё и старший сын Сергей там же сражается

с нацистами. О нём тоже думы бесконечные, по-матерински нелегкие, даже порой тревожные, поскольку прежние битые враги жаждут реванша, прут на поле боя страшное оружие со всего света, мечтают растерзать, расчленив державу, унижить русского человека. Её сыновья дают и заморским и европейским воякам по зубам. Ни одна она такая в России с сынами героическими, а множество, их руками будет добыта победа, как добыли Великую Победу над германцами деды и отцы наши. Разве найдётся такая сила, чтобы покорить дух русский, растоптать волю и веру? Нет, конечно. Женечка, сын, ярко доказал, что нет такой силы! И она, мать, благословляет его на новые подвиги, на скорое возвращение к семье, на счастье с победой!

Евгений с восторгом рассказал о том, что доченька его сразу же потянулась к нему.

– Уезжал, малышке было всего три месяца, а вот запомнила меня, узнала сразу же, потянулась ко мне, заулыбалась!

Евгений рассказывал с восторгом, эмоционально, в глазах искрилось обильное счастье, подобно солнечным ярким лучам, попавшим в водоём. Совсем неважно, что прошло почти два года с момента разлуки. Дети, в каком бы они возрасте ни находились, инстинктивно тянутся к добру и ласке, чувствуя близкое родство. Мама множество раз говорила о папе, произнося его имя, показывая фотографию, сообщала, что скоро приедет и привезёт гостинца от зайчика. Папа так и остался в сознании девочки, укрепляя память. Какой

же папа не явится с добром к своему дитя, не осыплет лаской любимое чадо? Тем более молодой и успешный, любящий свою семью, обеспечивая ей достойную жизнь, к тому же познавший тяжелейшее военное испытание на мужество и стойкость, сталкиваясь лицом к лицу с врагом и смертью.

Евгений с чувством полного удовлетворения рассказал о том, что на первые довольно солидные выплаты семья взяла ипотеку на четырехкомнатную квартиру. Приобрели автомобиль.

– Тыл крепок. Мама у меня инвалид, есть куда пригласить, коль устанет от своего хозяйства и решит перебраться в город.

Словом, Герой России Евгений Александрович Кудинов – оплот во всех отношениях.

– Россияне сильны историей и сплочением. Они дают нам уроки мужества и отваги, стойкости и любви к Родине, – делится своими мыслями на прощание Евгений Александрович. – Я стараюсь, как и большинство моих товарищей по оружию, следовать историческим урокам, а это прямой путь к победе!

Пожелаем Герою России скорого возвращения на Родину в здравии и с победой!

Отец Роман – Пересвет

Село Творогово – всего в несколько коротеньких улиц, можно сказать крохотное по сравнению с окружающими его бескрайними полями и лугами, вдруг заставило говорить о себе весь Емельяновский район Красноярского края. На одном из пустырей села четыре года назад встал красавец храм в честь иконы Божией Матери «Спорительница хлебов». Старание Красноярской епархии, отца Романа, их неукротимое желание найти меценатов для возведения в деревеньке храма увенчались успехом, состоялось его долгожданное освящение. Службы, которые вел несколько лет отец Роман (в миру Марат Хамадиев) в приспособленном помещении, теперь стали проходить с размахом в просторном здании. Велись они с прежним усердием, чутким отношением к прихожанам. Повседневная жизнь священника наполнена молением и любовью к своей многодетной семье. Пожалуй, в таком спокойствии и умиротворении протекала бы жизнь дальше, если бы не война.

Прожитое время всегда кажется простым, хотя трудностей в молодости вагон и маленькая тележка. Они вспоминаются редко, как и радости: человек живёт настоящим и будущим, ожиданием самого радостного дня и события. Матушка Анна, казалось, уж испытала полное счастье в жизни: у неё есть любимый муж и пятеро детей, но ожидание будущего сча-

ства доминирует.

В год знакомства с Маратом она была школьницей, он тоже. Аня приехала в Творогово к бабушке на каникулы, а Марат и его родители переехали на постоянное жительство. Подростков в деревеньке немного, и пройти мимо друг друга невозможно, и, конечно, их тропинки пересеклись, завязалась юношеская дружба. Марат опекал девушку плотно, она не противилась. В августе (это был выпускной год Марата), перед возвращением в школу Аня доучиваться, друзья засиделись на лавочке под кленом до ярких звёзд. Он, молчаливый и задумчивый, больше слушал Анину трескотню, неужённую, даже одухотворённую дружбой с симпатичным, таким собранным и серьёзным юношей. Сказывался возраст, он на два года старше. Шли нулевые годы нового столетия, опасные военными конфликтами в бывших республиках Союза, а он ждал повестку на срочную службу в армию. Аня это знала, может, потому без умолку рассказывала о себе, о подругах, о школе, но и о предстоящем расставании, заглядывая ему в глаза:

– Марат, моя бабушка – человек начитанный, она говорит, что теперь служат в армии больше всего на своих территориях или в соседних. То есть в своём федеральном округе. Может быть, останешься служить в нашем крае или в Омской области, где есть военный институт?

– Меня это мало волнует.

– Ну, как же, а война в Чечне? Я бы не хотела, что б ты ту-

да попал. Хочу дождаться твоего возвращения бравым солдатом, а лучше сержантом, увидеть, каким ты станешь через год.

– Спасибо, мне тоже интересно увидеть тебя повзрослевшей.

– Ты в каких войсках хотел бы служить?

– Мне как-то без разницы. Но лучше в артиллерии, она – бог войны.

С того памятного вечера перед расставанием прошло около двух десятков лет. В тот год разлуки они активно переписывались. Осенью Марат вернулся в Творогово, и она прикатила к бабушке в гости. Встречи возобновились, но прежняя беспечность улетучилась, как утренний туман: произошло то, как в известной дворовой песне: «Мы жили по соседству, встречались просто так. / Любовь проснулась в сердце, сама не знаю как». Вспыхнула яркая и пылкая взаимная влюбленность, и вскоре голубки объявили родным о намерении создать семью. Возражать никто не стал, и свадьба состоялась. Не броская, скромная, с крепкими душевными чувствами. Жили у родителей Марата. Он устроился на завод машинистом, Анна – разнорабочей в рыбное хозяйство. Были трудности, но любовь сглаживала все неудобства и бытовые недостатки.

Тяга к Богу у нашего народа в последние десятилетия усиливается, жизнь в целом в стране налаживается, материально укрепляется. В семье Марата всегда относились с почтением

к религии, верили во Всевышние силы и молились. Спокойный и уравновешенный Марат по примеру своего старшего брата однажды пришёл в храм Святой Троицы в Емельяново.

Церковь поразила своим величием, восприимчивая натура парня сулила необычные впечатления от предстоящей службы, которую он собрался принять. С волнением вошёл в переполненную прихожанами среднюю часть – наос. От множества свечей перед иконостасом светло и лучисто. Восковой пряный аромат растекается меж людьми. Несколько женщин с церковными книгами составили хор и поют молитвы. Их голоса стройны и приятны для слуха. Нарядные, с торжественными лицами прихожане слушают службу, участвуют в ней, подпевая и крестясь, отбивая поклоны.

Батюшка в белой ризе обошёл нарядных прихожан, плавно размахивая кадилом, из которого легким облачком вырывался дымок, пахнувший ладаном. Ему прислуживал юный послушник. Марат, незаметно для себя, проникся содержанием службы, как каждый стоящий рядом с ним, усердно крестился на зычный призыв священника: «Помолимся!», отбивал низкие поклоны со всеми вместе, сознание уносило его в неизведанный, но благодатный мир. Он видел одухотворенные лица прихожан во время заутрени, затем с торжественно-таинственной улыбкой после её окончания, расходившихся из церкви по домам и своим делам. Сам он чувствовал неизъяснимое приятное волнение от соприкосновения с иным миром, решил чаще посещать службы вместе с

женой. Первой такой состоялась заутреня на Троицу, вылившаяся в полное удовлетворение службой, очищением души от мирских забот. После нескольких посещений богослужения у Марата родилось желание стать послушником, что было одобрено батюшкой. Рвение и искренность в служении Господу нашему были замечены, и Марата рукоположили в дьяки, а затем в священники с приходом в селе Творогово, который надо было создать. Так Марат сменил гражданский костюм на ризу, что создало его новый облик, обогатило его душевное содержание. Поменялся и внешний облик. Если раньше он бороду не носил, то теперь не брился, отрастил черную и мягкую. Она придала ему солидность человека, познавшего иные таинства бытия, доброты и внимания к людям, не говоря уж о семье, которую любил больше себя.

Казалось бы, человек прочно стоит на своём месте: у него есть всё для счастливой жизни: дом с приходом в новом храме, любимая жена и дети. Первенец появился в год, когда Anne исполнилось девятнадцать, назвали Романом, поскольку это имя Anne нравилось с детства. Молодые были счастливы, и как благословение Господне видели то, что семья полнилась крепкими детьми. Теперь их пятеро. Три мальчика и две девочки. Все пятеро очень любят папу и вот уже год, как живут ожиданием возвращения его в дом.

Что же случилось, почему папы-священника нет дома? Причина тому – характер папы и Специальная военная операция в Донбассе по защите народных республик от фашист-

ского беспредела киевской власти. Но это же далеко, происходит в другой стране, и гул войны в Творогово не долетает. Почему их папа там, а не дома? И детям объясняют, что страна эта родная и такая близкая, что отец Роман видит страдания людей едва ли не воочию, и душа его там, где противостоят две силы: зла и добра. Он глубоко усвоил наставление святых старцев о человеколюбии. И как своё кредо проповедует мысли старца Георгия Флоровского о том, что «судьба мира и народа решается не на полях сражений, не в кабинетах политиков. Она решается в человеческих сердцах».

Как же решается? Толково и просто разъясняет старец Амвросий Оптинский: «Победишь зло в своём сердце – уменьшится количество зла в мире. Не победишь – увеличится». Вот этому делу – борьбе за добро в своём сердце – ревностно служит отец Роман в приходе. Он согласен со старцем: коли поселится добро в сердце, то оживёт сам человек, избавится от гнёта зла и станет бороться за то по-настоящему ценное, что, может быть, впервые увидел в себе человек. Вера в добро делает человека сильнее, дух его укрепляется перед невзгодами, и в этом видна помощь Бога.

Изучение борьбы на Донбасском меридиане стало второй обязанностью и жизнью священника. Он видел себя там, среди воинов на линии фронта, не только как проповедника добра, но и как служителя, годного на любые военные и мирские дела. Матушка Анна заметила необычное душевное состояние мужа и где-то в глубине своей души понима-

ла стремление мужа оказаться в Донбассе, но надеялась, что дети не пустят его на фронт. Сама она, по большому счету, тоже не согласна остаться с детьми наедине с неизвестностью о дальнейшей судьбе дорогого человека, окажись он на передовой, где бьют по городам мощными снарядами, реактивными ракетами огромной разрушительной силы. Нет-нет, она мать и обязана сделать всё, чтобы отец оставался при детях до их совершеннолетия. Но в душе носила это желание, скрытое от постороннего глаза, если хотите, в глубокой тайне.

Матушка Анна, всегда энергичная и словоохотливая, с легкостью делится со знакомыми прихожанами не о тревожных мыслях, а о своём материнском счастье:

– Я всегда твердила: хочу много детей. Только думала, у нас будет трое. Ну, где трое, там и пятеро.

«Да как же можно справиться с кагалом, – возражают иные. – Это просто не под силу».

– Ничего подобного, – возражает матушка скептикам. – Раньше людям жилось тяжелее, но женщины, особенно крестьянки, рожали едва ли не каждый год или через год. Сейчас быт налажен хорошо: в доме есть стиральная машина, пылесос, холодильник, автомашина, вода из крана, ванна. Это же какое подспорье! И дети помощники, а с ними совсем не трудно, когда любовь и согласие в семье. Дети наша гордость и богатство, послушные и работающие.

У неё готовы краткие характеристики:

Рома спортсмен, скоро окончит школу, мечтает о дальнейшей учебе. За ним идёт Лерочка, на три года младше. Красавица и мамина помощница! Обожает рисовать, увлекается плаванием, по примеру брата собирается в юнармию.

Лизе десять. Молчунья, слова не вытянешь, но рассудительная и ласковая, вся в папу. Она отлично показывает себя на татами, занимается дзюдо. Никодимушка выходит из детсадовского возраста, в следующем году пойдёт в школу. Активный непоседа. Ходит в бассейн, хочет стать пловцом, мечтает побеждать на соревнованиях.

Самый младший – Арсюша. Добрый, спокойный, обожает ласку, как пушистый котенок. Пока его главная «задача» – посещать детсад.

– Меня порой укоряют: «Как у вас всё по расписанию, без баловства!» Да, у меня дети часами в телефонах не сидят. У них нормальная жизнь: школа, спортивные секции, дом, друзья. Я их не ущемляю, просто умею договориться, привить любовь к труду на личном примере, привить другие интересы. Поэтому у детей находится время и на хобби, и на помощь по дому. Вообще, я держу их в строгости. Муж, наоборот, более мягок с ними. Так что сейчас все ждут папу домой.

Некоторым прихожанам показалось странным то, что их настоятель добровольно, конечно, временно ушёл от семьи на борьбу с нацистами, жестоко расправляющимися не только с православными христианами, но и с самой Православ-

ной церковь в Киеве. Решение священнику далось не сразу, много размышлял на эту тему, молился и однажды высказал своё решение жене.

– Матушка, пойми меня правильно и прости: вижу свой долг служить Отечеству на передовой Донбасса. Медицинскую комиссию, несмотря на поясничные боли, прошёл нормально и прошу твоего согласия на такой поступок.

– Я чувствовала, что в усердных молениях ты решаешься на крайнюю меру. Для меня остаться без тебя с детьми – тяжкое бремя. – Анна не могла сдержать волнения, и обильные слёзы хлынули из глаз. – Но я хорошо знаю тебя: ты уж приказал себе идти на фронт и ни за что не откажешься от своего решения. Я скрепя сердце даю согласие, но дадут ли его твои родители?

– Думаю, они не одобряют мой поступок, от этого будет горько на душе, но я вижу: Господь на моей стороне и обережёт меня в трудную минуту.

Отец Роман улетел в Ростов-на-Дону седьмого февраля 2023 года.

На передовой у отца Романа, взявшего позывной «Пересвет» в честь русского богатыря, сразившего на Куликовом поле татарского Челубея, обязанностей много. Две главных – он фронтовой священник и служит духовным наставником бойцам. На отдыхе в блиндажах проводит беседы с теми, кто уже изрядно понюхал пороху, устал от окопной жизни, но

не сломленный трудностями несёт свой крест освободителя на многострадальную землю, и слово батюшки-добровольца для каждого особенно дорого и, кстати, подкрепленное верой в Господнюю помощь, укрепляет дух, а с ним и телесные силы. Бывало и не раз, напутствовал бойцов перед выполнением поставленной задачи, не ища для этого особых условий безопасности, и воины видели искренность батюшки, его смелость и жажду всеобщей победы не только над украинским нацизмом, но над мировым злом.

Вторая – более опасная и сложная обязанность, кстати, добровольно принятая в качестве командира санитарного взвода: ездить на вызовы в атакующие врага подразделения, оказывать первую помощь раненым, доставлять в госпиталь. То и другое отец Роман выполняет с добросовестным рвением. Военные будни захлестнули его, как и каждого на линии соприкосновения с нацистами. В одном из вызовов санитарную машину с опознавательными знаками, по международной конвенции неприкасаемую, в которой они везли раненых в медсанбат, накрыли снаряды крупного калибра. Точности безнравственным украм не хватило, машину изрядно потряхнуло, виляя и едва не переворачиваясь от новых взрывов, она выскочила из-под обстрела. Люди отделались испугом и легкой контузией. Отец Роман с молитвами оправился быстро и к врачам за помощью обращаться не стал.

Вторая контузия случилась через месяц и оказалась куда тяжелее: священник потерял слух. Его посчитали погибшим,

но он отлежался в окопе и ночью, творя молитвы о Господнем вспоможении, выполз к своим.

— Будешь жить долго, батюшка, мы уж не чаяли тебя увидеть, — говорили ему товарищи.

— Божья помощь и молитвы мне дали достаточно сил, чтобы снова видеть вас и радоваться жизни. Молитесь и вы, братья, и будьте стойкими!

В марте отец Роман не выходил на связь с родными более полумесяца. Матушка Анна тяжело переживала неизвестность, молилась за здоровье мужа, бывало, и со слезами, но верила в его благополучие, предполагала об опасных обстоятельствах, что не позволяли звонить домой.

Не позволяли грозные силы, собранные со всей Европы и брошенные в Украину, чтобы сломить русскую армию. Выполняя задачу по досмотру поля боя и выноса раненых, если таковые будут, «Пересвет» с товарищем Георгием попал под плотный обстрел минометов. Охотились именно за ними, поскольку над благородными служителями висела «птичка» — дрон, который передавал координаты движущейся живой цели. Били яростно и плотно. Атакованные укрылись в канаве, надеясь на прекращение обстрела. Близко ударила тяжелая мина, Георгий вскрикнул от боли: горячий осколок врезался в ногу, срезал кусок мышцы. Кровь ударила фонтаном. Отец Роман бросился на помощь, сделал обезболивающий укол, перевязал рану и, выбрав ориентиры, указывающие направление к своему расположению, решил спастись.

Взвалил на себя потерявшего сознание от потери крови товарища, пополз. На первом километре особой тяжести не ощущал, а вот далее движение усложнилось: впереди, он знал, лежало заминированное поле, пришлось его огибать. Тревожился за жизнь раненого, боялся осложнения, стремился быстрее доставить на операционный стол. Он полз по влажной, пробудившейся от зимней спячки земле, просящей рук крестьянских к возделыванию хлеба, прислушивался к её надрывному дыханию от огненных ударов. Живая, она придавала сил, как и животворящая молитва, обращенная к Господу за вспоможением. Сил хватило, и он вынес товарища к своим уже при звёздном небе. Раненого подхватили чуткие руки санитаров, и бойцу сделали операцию, удалив осколок. Рваную рану зашили, спасли и в дальнейшем поставили на ноги. Отец Роман был представлен к награде, и вскоре ему вручили медаль «За спасение погибающих». Сам он также нуждался в отдыхе и осенью получил отпуск домой.

Его ждали с нетерпением не только родные, но и благодарные прихожане. Батюшка провёл богослужение, ответил на многочисленные вопросы своей паствы, а также журналистов.

Здесь снова проявился его беспокойный и мягкий характер. Отдохнув пару дней, он не мог полностью отрешиться от забот товарищей на передовой, своей новой паствы. Звонил, спрашивал, как там идут дела, что он живёт их заботами, отдыхает, но скоро вернётся в строй, будет помогать бойцам до

тех пор, пока воюющие стороны не сложат оружие, а на земле Малороссии и Украины воцарится мир. Отец Роман глубоко понимал, что и после того, как смолкнут орудия, предстоит нелегкая борьба за души и сердца обманутых православных христиан, поверивших в лживую и жестокую сущность бандеровщины и нового украинского нацизма; предстоит борьба за правду и справедливость, которую ведёт российское общество.

Обида (быль)

В Донецке у Сергея Олейника осталась любимая девушка. Они не успели пожениться. Собирались подать заявление на регистрацию брака, но грянула гражданская война, спутав все намерения. Ему под тридцать, она младше на пять лет. Сергей срочно записался в ополчение, находился безвылазно на передовой, обретая науку выживать и наносить противнику урон, то есть убивать и оставаться живым. Люди почему-то называли кровавое дело военным искусством. Раньше не задумывался над вопросом, этакой абракадаброй, в какую словесную шелуху упрятаны методы и приёмы уничтожения себе подобных, жилья, предприятий, школ, больниц. Теперь, хлебнув окопной жизни по самое горло, понял, насколько дико называть искусством массовое убийство, разрушение городов и сел. Даже торжество победителей, по большому счету, аморально, поскольку победившая сторона утопает в море крови павших на поле брани своих воинов. Понятие искусства все-таки связано с добычей хлеба, с живописью, песнями, музыкой, художественными образами в литературе, в театре, наконец, в строительстве. Отец у него каменщик. Любо-дорого смотреть на его проворную работу и возведённые кирпичные дома – истинное произведение архитектурного

искусства. Особенно его дачный дом-дворец в пригороде Донецка, построенный по его задумке и его же руками!

Сам Сергей, инженер-механик, в своей мастерской продляет жизнь поношенным авто на радость владельцу. Себя считает добряком, таким бесконфликтным гуманистом, умеющим слушать других и ладить с каждым. Оттого сознание никак не может примириться с убийствами. Понятно то, что его вынудили взяться за оружие, защищать себя, маму, невесту, землю и свой язык, на котором говорили его предки и сам он, обрекли подчиняться роковой дилемме: если не ты убьёшь, то убьют тебя. Пока удаётся лишать жизни противника. Его не коробило от первой жертвы. Это придумки писателей и режиссеров кино показать, как неестественно убийство для простого человека, художественным приёмом вызвать психологическую омерзительность насилия. Такая постановка вопроса понятна и приемлема. У него же возникло чувство удовлетворения оттого, что удалось в схватке одержать верх. Правда, с трудом и страхом перед огненным столкновением. Тот военный навык стрелка, что приобрел до института, служа в армии, показался несравнимым с действительностью, словно младенец перед взрослым. Предстояло расти не по дням, а по часам, закалять волю, обрести бесстрашие, совершенствовать методы и приёмы убийства, черстветь душой и сердцем, учиться ненавидеть соотечественника-врага.

Черстветь не получалось. Его синеглазая Катя, он знал,

продолжала работать в детском садике педагогом. Он сильно скучал по её теплому, грудному голосу. Особенно часто вспоминались картины какого-нибудь вечера или застолья, когда Катя с огромным желанием исполняла русские народные песни. Закроет глаза, и она – рядом, то в лёгком платье, то в блузке и шортах с ароматом свежего тела, вызывая восторг, как от первых подснежников. Живой, звонкий голос Кати на весь Донбасс, казалось, перекрывал канонаду украинской артиллерии, глушил шум боя. Сергей мало-помалу, туша страх, научился ходить в атаку, отбивать вражеские батареи, разрушающие его любимый город. Он верил – песня, как и молитва, отведёт от него беду. Сердце у Сергея разрывалось от негодования во время обстрела города противником из тяжелых орудий, и канонада доносилась даже сюда, в оборонные окопы пригорода Донецка, а страх за жизнь любимой девушки удесят�ерял ненависть к нацистам и желание быстрее изгнать с родной земли озверевшего врага, стремящегося уничтожить не только сопротивляющихся новым бандеровским порядкам, но и сам русский дух и русский язык.

Находясь на передовой, Сергей не мог представить в полной мере того, насколько страшно слышать вой снарядов залпового огня воспитателям детского сада и Катерине, как невозможно почувствовать на расстоянии тепло души родного человека, живя прежними воспоминаниями. Вой леденит в жилах кровь даже у него, он видит, как голова Кати

с русской старомодной причёской вжимается в плечи. Перепуганные ребятишки – кто зажимает уши ручками, кто тащит голову на звуки, кто истерически ревёт. В эти жуткие минуты перед воспитателями одна задача – поскорее укрыться в подвале. Даже в том случае, если разрывы ухают вдалеке.

Число детей в садике от этого нечеловеческого состояния неудержимо тает. Мамы с ребятишками, подстегнутые нагайкой страха, бегут в Россию. Подальше от военного ада. Потому дела в садике урезаны, как паёк в голодные годы. Оставшихся детей заведующая объединила в две группы. Часть здания опустела. И вот в тёплый июльский день тишину садика взорвали дальнобойные вражеские снаряды. Нацисты ударили прицельно подло и коварно, по-бандитски, когда дети мирно спали после обеда, сладко сжав губки и разбросав рученьки. Зажигательный снаряд пробил стену и взорвался в комнате для игр, что напротив спальни. Дверь вышибло и бросило на ближние кровати. К счастью, высокие головки отразили страшный удар. Дверь разлетелась в щепки, но детей не зашибла. Сначала в спальне воцарилась могильная тишина. Затем последовал взрыв детского рёва, столбенеющий ужас от разрастающегося треска огня и жара.

Катя находилась в смежной комнате своего кабинета и львицей ринулась к ребятишкам. Игровая комната полыхала. Стульчики, столики, экспонаты вспыхнули, как порох. Тлели ковры, выделяя тяжёлый ядовитый дым. Воздух нака-

лялся и обжигал.

Обезумевших от страха полусонных детей бросились выводить в подвал, приспособленный под убежище. У воспитателей от волнения и ужаса подкашивались ноги, не говоря уж о детях. Они голосили на разные лады, иные крепко вцепившись в воспитателей, не оторвёшь, снижая их подвижность. А надо быстро проверить все кровати, не спрятался ли кто под подушку. Огонь разрастался, дым удушливо клубился, вырывался в разбитые окна.

В подвале недосчитались двух мальчиков. Катя ринулась назад. Она слышала, как в соседнюю, к счастью, пустую группу ударил новый снаряд. Здание содрогнулось, как живое, предупреждая о смертельной опасности. Но она бежала туда, где полыхал огонь. Дым заволок игровую комнату, ядовитыми брызгами стреляли охваченные пламенем синтетические шторы. Катя облазила спальню, не очень задымленную, никого не нашла. Зычно звала мальчиков по именам. И они откликнулись из игровой комнаты, спрятавшись в огромном шкафу, что стоял у окна. Антресоль его горела, шелкая полировкой. Она выхватила одного, второго, сгребла под мышки и – бежать. В этот момент на неё обрушилась горящая штора. Девушка взвизгнула, завертелась, сбрасывая с себя пламенеющую материю. Большой огненный кусок припаялся к левой щеке. Впопыхах жуткой боли не чувствовала, больше испугалась, а потому не выронила из-под мышки малыша и проскочила из комнаты в коридор. И спаслась!

Если бы она остановилась и стала срывать с лица огненный кусок шторы, освободив от мальчика руку, то угодила бы под разрыв нового снаряда, попавшего в спальню. В эти секунды Катя не могла думать о своём горящем лице, о том, что теряет красоту и симпатию: она спасала детей. Девушку швырнуло взрывной волной по коридору. Она упала на площадку с лестницей, ведущей в подвал. Мальчишки, находясь всё также в мёртвой хватке у неё под мышками, ударились о кафельный твёрдый пол, заголосили. Тут их подхватили руки подруг, кто-то сорвал с неё остаток горячей шторы вместе с кожей. Только в безопасности Катя почувствовала жгучую боль. Терпела, скрежеща зубами, не сознавая последствия. Медсестра оказала ей первую помощь, смазав ожог облепиховым маслом.

– Катя, тебе надо как можно быстрее попасть в ожоговый центр.

– Но его, кажется, тоже бомбили...

– Что скажет мой Серёжа? – всплеснув руками, панически спросила у своих подруг Катя и горько разрыдалась.

Никто не мог ответить за влюбленного человека, а фальшивить не хотелось, потому девчата отмолчались, стали заниматься плачущими малышами, успокаивая их, а заодно и себя. С улицы донесся вой машины пожарной команды, которая приступала тушить пожар на втором этаже садика.

Ожоговый центр находился далеко, и девушку отвезли на Катиной же машине. Точнее, на отцовской «шестерке», кото-

рую он отдал дочери, влившись в ополчение. Центр работал в половину своих возможностей. Запасы лекарств закончились, а пополнить их неоткуда. Многие аптеки и склады разбомбили жестокие украинские артиллеристы. Хирург осмотрел Катю быстро, ввёл какое-то лекарство и отправил вместе с идущей «скорой помощью» в Ростов-на-Дону с двумя обгоревшими ополченцами, сказав девушке, что там российские эскулапы творят чудеса, возвращая людям красоту лица.

Катя немного успокоилась, дорога всегда даёт надежду на лучшее, только теперь твёрдо знала, что потеряла лицо и красоту, а вместе – своё счастье. В Ростове, несомненно, сделают пластическую операцию, возьмут кожу, возможно с бедра, а возможно, с груди. Она у неё такая же белая и нежная, какой была щека. Со слезами на глазах Катя смотрела на обгоревших парней из экипажа БМП и думала о Серёже. Несколько лет назад он служил в армии на такой же машине пехоты. Недавно она узнала, что он и группа разведчиков ходили в тыл вражеской обороны и взяли сразу три боевых машины, перегнали в ополчение. Не на одной ли из них горели и задыхались в дыму эти отважные ребята?

Девушка страдала за себя и за своих попутчиков по несчастью. Вспоминала ужас свежей бомбёжки и пожара. Если бы она не нашла так быстро мальчишек, сгорели бы заживо в том шкафу. Подумать страшно – гореть заживо детям! Чем они провинились, за что отвечают?! В том, что вырастут и возьмутся за оружие для защиты своей свободы! Страх дол-

го и безжалостно держал клещами девушку за грудки и не уходил из сердца, путал мысли, будоражил сознание.

Но странно, ярой ненависти к людям, бомбившим город, не было, разрасталась обида за потерянное счастье. Она разливалась в душе, как весеннее половодье, и мешала жить. Былое спокойствие больше не вернётся, так же как снаряды из одного орудия никогда не ложатся в одну и ту же воронку. Теперь жизнь сложится по-другому. Она могла назвать предмет обиды – эта бомбёжка снарядами и уродство лица, понимая, что это жестокое следствие майдана и кровавого захвата власти в Киеве. В силу своей молодости и честности Катя не могла предполагать, что действительность гораздо опаснее, страшнее, сравнима с грозным и теперь далеким нашествием гитлеровского фашизма. Это роковое определение робко, но чаще стало появляться в разговорах. Потому ей было так обидно за случившееся поражение законной власти и утрату прежних завоеваний. Хотя видела: от обиды не спастись, не побороть её, а она рождает в сердце не присущее ей чувство ненависти. Перерождение обиды сильнее девичьей воли.

Катя хорошо знала из уроков истории, нет, не по школьным учебникам, а по памяти своих предков, к чему привела ненависть сто лет назад в Гражданской войне на этой же Русской земле. Прадед Сычёв, царский хорунжий, был расстрелян красногвардейцами Троцкого из-за того, что дезертировал из отряда после расправы с его родным казацким хутором. Семью едва не взяли в заложники: он успел спрятать

жену и детей в глухом местечке, а сам был всё же схвачен, когда ездил за продуктами. Его нашли с проломленной головой и раздавленной грудью. Пожалели пули.

Старший сын Сычёва, Катин дед, теперь покойный, помнит, как красногвардейцы выжигали на Дону хутора и деревни, разрушали города, вершили повальные расстрелы якобы за измену революции. Выбивали мужское население, способное носить оружие, чтобы не влились в белую армию. На окраинах городов возвышались, как курганы, горы трупов, стояли лужи крови, ползли тиф, голод. Кто организовал этот геноцид? Кому нужна такая социалистическая революция, свобода и демократия на крови миллионов людей? Она, как гуманитарий по образованию, знала гораздо больше, чем остальной народ. Знала жуткие цифры большевистского геноцида, выливающегося в миллионы жертв, во главе которого стояли их псевдопролетарские вожди.

Катя пришла к страшному выводу: история повторяется. Она боялась, что обида могла вызреть в лютую ненависть. Так и случится, если война не остановится. Хотя грань между обидой и ненавистью настолько хрупкая, что иному человеку трудно удержаться от возмездия: око за око! Она и сама чувствовала, что ненависть уже вызрела против киевской власти, организовавшей этот военный кошмар, кто сделал того же харьковчанина или одессита солдатом и заставил громить из орудий города Донбасса. Нет, не классовая ненависть причина – этот страшный тайфун, дерзко смета-

ющий на своём пути жизнь, а иное, не менее страшное понятие – фашиствующий национализм. Новая власть отказала ей в русском языке. Ей, её жениху, их будущим детям, приказала жить по американскому стандарту, где все говорят на английском. Она не хочет уподобляться чернокожим, привезённым из Африки и забывшим свой язык и обычаи. Несколько столетий на Донбасской земле звучал русский язык, теперь требуют его забыть, забыть историю, славные победы над врагом. Потому-то Серёжа в ополчении, не успев стать официально мужем, защищает право говорить на родном языке.

Она тогда не знала, что вокруг Донецка растут братские могилы, где лежат изнасилованные девушки и женщины, мужчины со скрученными сзади руками, с затылками, пробитыми пулей, подобно тем, что в восемнадцатом году переполнили питерскую речку Мойку. Что бы сказала, узнав? Скорее всего, одно: зверя надо загнать в логово и там убить!

Катя бы так сказала, хотя имела самую мирную профессию – воспитывала детей в садике. Так же ревностно воспитывает, как выращивает садовник свои сорта цветов. Случилось так, что всего два десятка лет назад тоже ходила в этот садик, где могли заживо сгореть мальчишки, где потеряла красоту. И Серёжа рос в этих же стенах, только на несколько лет раньше. Потом учеба в одной школе, а вот институты выбрали разные.

Встретились по случаю. Прошлой осенью у неё отказала

папина машина, и она оказалась рядом с мастерской Сережи. Приветливый, выше среднего роста парень с добродушной улыбкой, которая тронула девичье сердце, мило предложил свои услуги мастера. Одетый в полукомбинезон, в светлой панамке, он внушал доверие, даря симпатию. Как-то сразу разговорились и рассказали о себе почти всё. И жили-то в одном квартале, а вот встретились, как ему и ей показалось на всю жизнь, только сейчас. Было тепло и радостно на душе, как от маминого желанного подарка на день рождения и поцелуя, щедрого и горячего!

Он отремонтировал машину, заменил масло, отрегулировал зажигание, словом, не торопился отпускать понравившуюся девушку. Она, кстати, тоже, уехала с возвышенным, взбудораженным чувством, чтобы вечером встретиться. И встречались часто, подолгу не расставаясь. Несомненно, это была глубокая любовь с первого взгляда. Любовь упала на неё, как Тунгусский метеорит, вырвав с корнем прежнюю жизнь, и наполнила новым неразгаданным содержанием – непреодолимой тягой к мужчине, над тайной которой люди бьются со времён Адама. Они удивлялись: как это у них раньше не пересекались дорожки? И вот, когда в Киеве свирепствовал майдан, взрывались коктейли Молотова, а в воздухе запахло порохом, судьба дала им короткое счастье. Но его взорвал зажигательный снаряд соотечественников из столицы. Как это обидно и непоправимо! Ненависть даёт силы для борьбы с врагом, поднимает морально, очищая ду-

шу от пролитой крови. Обида такого права не даёт. Но лично она имела право ненавидеть за своё обожжённое лицо, за этих обгоревших парней, за городские и сельские пожарища, за тысячи смертей, за попранное право жить мирно и счастливо, говорить на родном языке.

Дорога не успокаивала: всё оборвалось. Урод лишён счастья. Кому она нужна с таким лицом? Серёже? О своей беде в клинике она думала днями и ночами, забываясь в коротком сне, но с кошмарами военного грохота, пожарищ, страха, ещё чего-то подкрадывающегося леденя душу, бросающего в холодный пот. Близких подруг здесь нет, кому могла бы излить свою боль, получить какую-то моральную поддержку, и мечтала после выздоровления влиться в ряды ополченцев, драться за свою землю. Однажды она вышла на прогулку и оказалась рядом с машиной «скорой помощи», из которой выносили раненых. Она стояла и смотрела на своих земляков и первая увидела Сергея, потому в панике отвернулась, оцепенела, не в силах удариться в бегство. Но его голос толкнул в спину. Как взрыв! Голос хриплый и слабый, она узнала его, не повернулась, а бросилась бежать прочь.

Да, это был Серёжа Олейник. Тяжело раненный в грудь и тоже обожженный, попал сюда же. Он увидел Катю со спины, когда выносили из машины. Узнал сразу же, не мог не узнать, и что есть силы закричал:

– Катя, почему ты здесь, а я об этом не знаю?

Он видел, как она вздрогнула, не оглянулась, а заспешила,

словно от грубого толчка в спину за угол здания, подальше от его голоса.

– Подождите, – захрипел он санитарам, – остановите вон ту девушку! Она моя невеста!

Санитары знали о лице девушки и не выполнили просьбу, торопливо скрылись в здании больницы.

– Тебе нельзя волноваться, а нам останавливаться, тебя ждут в операционной...

Его уносили, а он, израсходовав последние силы в разговоре и безуспешной попытке увидеть любимую, узнать причину отсутствия здесь, впал в забытье.

Свет для Кати померк, для неё наступило вечное солнечное затмение. Едва владея собой, она пришла в палату, упала на кровать и разрыдалась.

– Что случилось? – спросила молодая соседка по кровати с бытовым ожогом.

– Мой Серёжа тяжело ранен. Я видела, как его выносили из машины. Я успела отвернуться, но он узнал меня, окликнул, словно вонзил нож в спину, но я убежала.

– Напрасно! Человек будет терзаться, – заметила вторая, – разве тебе не жаль парня, или ты потеряла любовь?

За несколько дней совместного лечения женщины узнали историю любви каждой почти до мелочей. Соседки по несчастью имели семьи, детей.

– Я для него умерла, – могильным голосом выдавила из себя Катя.

– А говорила, что у вас любовь с первого взгляда и до гроба, – сказала, как отрезала, сероглазая Галина, не принимая капитуляцию девушки. – Силу вашей любви испытывает сама судьба. Если он тебе дорог, отыщи его и ухаживай после операции.

– Я тоже так считаю. Молись Богу, чтобы он выжил и выздоровел. Безнадежного из такого далёка на машине не повезут.

Катя некоторое время лежала с холодной душой и мокрыми глазами, глядя на тяжёлую портьеру, затеняющую палату от яркого солнца. Слезы высохли, а сказанные слова соседок звучали музыкой надежды и, как солнечные лучи, возвращаясь после затмения, медленно согревали душу. Эпизоды прежних встреч, как немое кино, мелькали в сознании, рождая огромное желание новых встреч, какие пророчили новые подруги по несчастью, мол, беда, помноженная на беду, даёт стойкую надежду на благополучный исход – продолжение счастья. Только надо презреть малодушие и продолжать борьбу. Искренность слов и тепло сердец, словно летнее щедрое солнце, отогрели охлажденную горем душу Кати, вернули надежду на продолжение счастья. Девушка решительно поднялась, сказала:

– Всё верно, девчата, пойду в ординаторскую, узнаю, что с ним.

Первое, о чём Сергей подумал, очнувшись от наркоза в

реанимации: не ошибся ли в полубреду, увидев девушку, похожую на Катю? Он же не видел лица. Бинты на голове – видел. Померещилось, как не раз являлся, словно наяву в часы затишья на передовой, её облик милый и ласковый. Чаще всего в приталенном платье в голубую полосу, что подчеркивало женственную фигуру. Здесь же на голове бинты. Он чётко их помнит. Если осколочное ранение от фугасок, то почему не в Донецке? Там тоже есть прекрасные хирурги. Его сначала хотели оперировать в родном городе, но ожог едва ли не всего правого бока не давал шансов на успех из-за отсутствия медикаментов. Ему оказали первую помощь, и вот он здесь, у своих братьев.

Ополченцы уже слышали, что их противников – пленных раненых лечат в Ростове и отправляют домой. Гуманно, ничего не скажешь! Реакция ополченцев бывала разной: не возмутятся ли раненые снова за оружие? Сами вряд ли захотят ловить пули и осколки своими телами, охапками как го-стинцы, но фашисты из «Правого сектора» могут заставить под угрозой расстрела, выворачивая руки. Катя от них пострадала, и он не может теперь отомстить за боль любимой девушки. Да разве можно насытиться мстью, коль она, как и голод, будет требовать все новой и новой пищи. Пока он не знает, насколько громадна будет его мсть, не слепая, а осознанная и святая за разорванную любовь, за причинённые страдания. Уходя на фронт, тогда он не думал о мести, шёл на защиту своей земли и народа в общем порыве про-

тивостояния, теперь непременно – месть! Месть праведная, очищающая от скверны фашизма, как очищающий огонь от эпидемии чумы. Главное, быстро восстановить силы.

Так он медленно размышлял, глядя в белый потолок, ожидая, когда к нему подойдёт медсестра. И она подошла, увидев его в сознании. Проверила пульс, вынула изо рта шланг с пластмассовым наконечником. Он попытался глубоко вздохнуть, но не давала боль и тугая перевязка груди.

– Дыши спокойно, без напряжения. Тебе оперировали легкое. Сейчас полечим антибиотиками, потом покормим бульоном. – И она поставила капельницу с несколькими флаконами.

– Спасибо, сестрёнка. Здесь где-то моя невеста, Катя Сычёва, может быть, вы её тоже лечили?

– Нет, такой не знаю. Завтра отвезём тебя в палату, там разознаешь. Сейчас не волнуйся и набирайся сил.

Каждый человек любит копаться в себе. Психологи даже советуют находить свои лучшие качества и хвалить втихомолку себя за эти качества, с тем, чтобы продвинуть их на передний план жизни, развить и добиться успеха. Он знал свои блестящие качества инженера-механика, быстро завоевал среди автомобилистов популярность, и его мастерская не знала простоя. Он обладал броской мужской красотой, но не был влюбчив. Катя, если не считать легкие студенческие увлечения, была его первой настоящей любовью. В том, что его непременно поставят на ноги, не сомневался. Но в ка-

ком состоянии будет его здоровье? Не пострадает ли прежняя полноценность ломового мужика? Теперь его здоровье принадлежит не только ему, но и Кате, так же как и Катину ему, а потом их будущим детям. Страдая от неизвестности, какова же на сегодня действительность с его и Катиним здоровьем, Сергей желал быстрее оказаться в палате.

Он устал бросать косые взгляды на медленные капельницы, даже ругал их за неспешную работу, убеждал себя в том, что его молодость быстро возьмёт верх над ранами, он отыщет Катю и будет по-прежнему любоваться стройной фигурой в платье в голубую полоску. Минутами даже забывался с мечтой в легкой дреме и радовался такому состоянию, ибо она незаметно приближала к свиданию с Катей. Принесли бульон, головку кровати приподняли и накормили, как младенца. Вскоре он провалился в глубокий целебный сон.

Катя с нетерпением топталась у входа в реанимационное отделение, ожидая, когда Серёжу повезут в палату. Решила издали посмотреть на него и тогда решит: уйти ли из его жизни навсегда, или все же остаться. Завтра обещали снять с лица бинты, она сможет взглянуть на себя в зеркало. Ждала этой минуты и боялась нового лица. Не окончательного, лечащий хирург обещал продолжить борьбу за красоту. Какая уж тут красота, если кожа выгорела и скула обнажилась. Ничего хорошего не ждала. Но все же надеялась, что уродство не будет страшным. Сможет ли она жить с двойным лицом, сможет ли его показать Серёже? Уж нет сил выносить пытку

неизвестности. Резиновые минуты ожидания тянулись бесконечно. Ждать свою судьбу не всегда подъёмное дело, тем более утяжеленную гирями военных ран. Но она ждала, как матери терпеливо ждали своих сыновей в военное лихолетье, как ждут и теперь весточки из окопов обозначившегося фронта.

Сергея Олейника из реанимации выкатили после двенадцати дня. Под белыми простынями его лицо, если бы не щетина на подбородке, не отличалось бы белизной. Мёртвенная бледность испугала, потому Катя не смогла заглушить в себе жалость и поступить, как задумала: только взглянуть издали, а уставилась на осунувшееся лицо с острым носом, подбежала и, зная, что он живой, мертвых в палату не возят, вскрикнула:

– Серёжа, милый, как ты себя чувствуешь?

Медсёстры, катившие оперированного, недовольно и властным взмахом руки остановили Катю, едва не бросившуюся на каталку.

– Больная, не мешайте. Приходите в палату позже.

– Катя, что с твоим лицом? – не спросил, а простонал Сергей, порываясь приподняться. Но ему не позволили двигаться.

– Больной, лежите спокойно!

– Я не больной, я раненый! – сердито возразил Сергей.

Катя опомнилась, вспомнила, что собиралась только издали взглянуть на Серёжу, и не ответила на его вопрос. остано-

вилась в коридоре, провожая взглядом свою любовь, словно в пламя пожара, сама пылая и выгорая изнутри, зачумлённой прошла по коридору, в изнеможении опустилась на попавшуюся кушетку, собирая в кулак волю, чтобы навестить Серёжу и сказать, что она его очень любит и будет за ним ухаживать, если позволят.

Не прошло и получаса, как из Серёжиной палаты вышел пожилой пациент с костылем и направился к Кате, недвижимо сидящей в телевизорном будуаре, отсчитывая минуты своей судьбы. Увидев девушку с перевязанной головой, а она смотрела в его сторону, жестом руки пригласил подойти. У Кати замерло сердце: посыльный от Серёжи! И сорвалась.

– Здравствуйте, Катя! – тихо сказал пожилой человек, мягкая улыбка на его губах служила хорошей вестью. – Сергей не спит и очень хочет с тобой повидаться. Иди, в палате он да я.

Кате сделалось холодно, она сжалась. Сердце звонко стучало, и девушку бросило в жар, румянец разлился на здоровой половине лица. С ним она и вошла в узкую палату, где стояли две кровати, слева укрытый простыней лежал Сергей. Он смотрел на дверь прямо, и в глазах невесты увидел панический страх. Она бесшумно пробежала по мягкому линолеуму к его кровати и уткнулась в левый бок. Слёзы не удерживала, лишь притихла под его рукой, которой он теребил русые волосы. Он заговорил первый:

– Здравствуй, Катюша, успокойся и расскажи, что с тобой

случилось?

– Здравствуй, Серёжа, – подняла она голову, глядя на него всё теми же большими глазами, только слегка поблекшими от волнений. – Наш садик разбомбили, я спасала детей из огня, обожгла лицо и левую ключицу. Я потеряла красоту.

– Катя, для меня ты ничего не потеряла. Ты героиня! Расскажи подробнее, как это случилось?

Катя рассказала, захлебываясь словами. Он держал её руку в своей, и она чувствовала, как по ходу повествования всё сильнее и сильнее его гнев сжимает ей ладонь.

– В уцелевших больницах нет медикаментов, в городе жажда, кончаются продукты. Когда же у них кончатся снаряды? – Она пристально всмотрелась в его глаза. В них пылала ненависть, губы вмиг пересохли.

– После твоего рассказа мне не понять, почему раненых пленных укропов лечат в Ростове.

– Серёжа, выпей воды. – Она налила в стакан воды из графина, что стоял на столике, поднесла к его губам. Он жадно отхлебнул.

– Милый, тебе вредно волноваться. В твоих глазах пылает лютая ненависть. Она справедливая, но страшная. Надо без мести продолжать борьбу за свою землю.

– Ты считаешь, что это возможно?

– Да. Надо быть сильнее фашистов.

– Ты так говоришь потому, что я не отвернулся от тебя, а если бы наоборот?

– Я была бы вдвойне несчастна и взялась бы за оружие. Ты знаешь, как я хорошо стреляю.

Он ненадолго задумался, глядя в одну точку.

– Пожалуй, ты права, но ведь обидно получать пулю от своего обманутого соотечественника. Ладно, войну в сторону. Я хотел бы уехать домой вместе с тобой и прямо в загс.

Катя вновь зарделась и уткнулась ему в бок, а Сергей почувствовал влагу горячих слёз. Слёз судьбы. Зная о том, что и гибкость ума, и душевная доброта, какая рождалась в душе Кати, и горячая к нему любовь заменят потерянную красоту. В них всё взаимно, главное – взаимная любовь, а с нею дети. Фундамент семьи. Семья – это корни государства.

Портрет

1

Дед Владимир, названный в честь вождя мирового пролетариата родителями, с выцветшим изрезанным морщинами лицом, но пышной, на удивление, шевелюрой, с протезом верхней челюсти, маялся с портретом отца, завернутого в наволочку.

Почти месяц он находился на своей даче, давно переписанной на младшую дочь Марию, в семье которой живёт, потеряв жену. Вернуться в город заставила нужда: захворал, надо показаться терапевту. Приехал, слава Богу, на старенькой «шестерке» без происшествий, вошёл в свою комнату и ахнул: на полу валялись ошмётки военных фотографий его отца-фронтовика из семейного альбома. На одной карточке отец стоял с товарищем возле тумбочки в форме красноармейца, сверлил своими пронзительными глазами каждого, кто смотрит это фото. Высокого роста, плечистый, он нёс, как тогда говорили, действительную службу в кавалерии. В ключья изорвана и истоптана групповая фотография бойцов взвода, которым он командовал в последний год войны. Третья – самая дорогая и выразительная. Отец снят в полный

рост с наградами на груди, в фуражке, с великой победной радостью на губах и в глазах, такой, что у мальчишки Вовы, впервые увидевшего снимок, захватило дух, а радость такая же и даже больше – на всю улицу, на весь город светилась у него на лице. Гордость же за папу не знала границ, потому через какое-то время из этой карточки сделан большой портрет, помещённый в рамочку под стеклом. Вместе с папиной улыбкой сияли четыре медали и орден Славы.

«Выходит, – подумал дед, – сохранился этот единственный портрет лишь потому, что я взял его на дачу, чтобы подновить старую, крашенную-перекрашенную рамочку в золотистый цвет. Мог бы купить новую, красивую рамочку, но не хотел: эта, сработанная в молодости, дороже всего».

Дед Владимир, охая и стеная на неизвестного хулигана, принялся собирать с пола обрывки фотографий, а собрав, подошёл к письменному столу, чтобы на нём разобрать эти ошмётки, и увидел записку:

«Дед, такая же участь ждёт портрет прадеда в рамке!»
Подпись: «Патриот Украины».

Кто же это написал? Никак внушка, почерк – нет сомнений её!

Дед растерялся: что за чудовище водило рукой внушки? Каков из себя этот «Патриот Украины», какого цвета и морали? Полного ответа, хотя он напрашивался из прошедших событий, на этот вопрос невозможно дать, не поговорив с дочерью, зятем, с сыном и невесткой – родителями и самой

внучкой. Оленьке исполнилось пятнадцать лет, её душа и сознание мягкий пластилин, из которого искусный скульптор может вылепить любую фигуру как по своей прихоти, так и по заданию националистических сил, которые заявили о себе на майдане в феврале нынешнего года, свергнув законную власть. Насколько далеко зашла лепка, можно судить по изорванным карточкам отца и этой жуткой записки. Её пока никто не видел, ни дочь, ни зять, иначе бы тут не валялись клочки фотографий.

Дед взглянул на часы, шёл пятый час вечера. С минуты на минуту придёт с работы дочь, вот с ней перво-наперво надо осторожно поговорить о происшествии. Мария, не имея своей дочери, а только сына Эдика, любит племянницу и отнесётся серьезно к происшествию, за которым стоит этот «Патриот» и новоиспечённый полк «Азов» Билецкого. Но пока надо спрятать подальше драгоценный портрет отца.

«Куда мне тебя, тятя, куда сховать? Прости меня, старого, не хочу, чтоб надругались над тобой молодчики из „Азова“. Внуки наши рехнулись окончательно, того и гляди потащат на цугундер нас, стриков, тех, кто не потерял память и блюдет святое – завоёванную свободу, разгромив германский фашизм вместе с тобой, тятя!»

Дед вышел в зал, поднялся на стул, распахнул дверцу антресоли с бельём, сунул под толстую пачку простыней, пододеяльников портрет. Закрыв дверку, слез со стула, усомнился, что клад не будет однажды обнаружен дочерью, по-

сколько исчезновение портрета с привычного места на стене вызовет у неё вопросы. К нему в комнату уж редко кто заглядывает, дочь лишь иногда пыль протереть да пропылесосить ковер на полу. Внучка Оля, пока маленькая была, ластилась к нему. Дед уж какой год на пенсии, частенько, бывало, спешит в садик за девочкой, сначала к себе любил приводить, угощал то мороженым, то парочкой шоколадных конфет, больше нельзя, запрет от мамы, то пельмешками ручной лепки кормил. Как отказать себе в этой малой радости! Впрочем, не малая, скорей необходимая и желанная, как чай с мёдом после прогулки по крепкому морозцу. Подросла Оля, пошла в школу. Два-три года продолжал опекать внучку. Но вот кончилось былое, как радуга, растаяла забота. Теперь внучка в юношеском возрасте, за ней не надо ходить и провожать до дому, а сама не заглядывает. Более того, этот конфликт, ледяющий душу, от неё исходит.

«Нет, плохо упрятал, надо бы надежней, но куда? А вон выше антресоли, за тот гребешок».

Дед снова взгромоздился на стул, переложил портрет и, довольный, слез, вспоминая поздний рассказ мамы о том, как в глухие годы большевистско-сталинской инквизиции она прятала икону Божьей Матери с младенцем Иисусом от постороннего глаза. Икона – семейная реликвия, доставшаяся от бабушки Меланьи, вырезанная на дереве, стояла на верхней полке этажерки, что находилась в переднем углу. В те годы такие этажерки являлись модной мебелью, были

трехъярусные, ножки выточены на токарном станке. Экое произведение столярного искусства. Полочки мама украсила простенькими косыночками, вышитыми мулине. На двух полочках стояли книги, фарфоровые и стеклянные безделушки, а на самой верхней – икона. И вот однажды, перед самой войной, в год рождения первенца, по просьбе папы, комсомольского вожака, мама спрятала образ за этажеркой, а на её месте появился портрет Ильича, в честь которого миллионам детей дано его имя.

– И мы нашего первенца назовём Владимиром. Вырастет, выучится, будет гордиться своим именем – Владимир Ильич Белянкин! Как! – говорил папа с вдохновением.

Да, Вова родился ещё до войны, потому не знает те мытарства, какие пришлось испытать маме с младенцем на руках в эвакуации. Единственное, что смутно помнит, как мама молилась перед иконой. Она стояла на низкой тумбочке в какой-то небольшой комнате, в которой было всегда холодно и неуютно. А молилась она за папу, за его здоровье, за победу над врагом. Потом папа вернулся с войны с наградами на груди. С этими наградами позднее был сделан его головной портрет, который теперь прятал дед Владимир.

Дед уселся в кресло и задумался о том, как дошли до такой жизни, что он вынужден прятать портрет своего отца-фронтовика, израненного и безвременно ушедшего из жизни. Времена повторяются, точнее не времена, а события, хотя и разные по масштабам и причинам. В двадцатые

и тридцатые годы минувшего столетия искоренялся «опиум для народа» – наследие царизма, внедрялся атеизм, гонение на православную церковь и их служителей захлестнуло страну. Простонародная и весьма воинственная часть народа торжествовала, другая часть, в основном крестьянство, избитое Гражданской войной, потрёпанное продразвёрсткой, повсеместной разрухой, яростно огрызалось бунтами против антихристов. Всюду закрывались церкви, попов изгоняли и даже расстреливали, храмы превращали в склады. Перегибом стали называть такие дела в горбачевскую перестройку. Каков ущерб нанесён духовной жизни русскому человеку? Можно ли исчислить, есть ли такое измерение? Ладно, пережили, он, Владимир Ильич Белянкин, вырос и жил атеистом. Себя в том не винит, не надо ни перед кем виниться. Такова эпоха, может, потому не слишком везучая, потому власть постоянно спотыкалась вместе с народом оттого, что изгнали из своей души Господа. Не деду теперь разбираться, да сердце не мирится: на святое – завоевание свободы от фашистского рабства, кое отстояли отцы и братья наши, покушается киевская власть. Растаптывается память двадцати семи миллионов павших советских граждан!

Мальчишкой помнит то, как приходилось постоянно вести неравную борьбу за жизнь. Ранение и две контузии выбили из папы его молодецкое здоровье, а тяжелый труд в забое скупым ростовщиком тянул ослабевшие силы фронтовика, и в начале пятидесятых годов отец ушёл на погост, оста-

вив хворой маме четверых и нищую пенсию. Вовка с малых лет стремился заработать на жизнь, поднять на ноги послевоенных младших брата и сестру. На тарном складе Чугуева стал подрабатывать с четырнадцати лет, закончив семилетку с опозданием на год, рослому, с печалью в глазах ему удалось устроиться на завод подсобным рабочим с припиской целого года, там же выучился на токаря. Работая, торопился догнать своих сверстников в учебе, сидел вечерами в школе рабочей молодежи, а тяга к знаниям была недюжинная, хотя малограмотная мама сильно не заставляла, а толкала всеобщая эйфория побеждающего социализма, романтика грамотного труда, предвкушение зажиточной жизни.

Три года службы в армии в танковых войсках Владимир считает потерянными, поскольку не успел до призыва получить аттестат зрелости, чтобы поступить в институт, а пришлось доучиваться после. Бытует мнение, мол, в армии человек получает закалку, возможно, для паиньки-мальчика и нужна закалка, но не ему, тертому калачу.

Женился рано. Угнетала извечная проблема с жильем: многосемейные коммуналки, пропади они пропадом, не позволяли нормально жить и учиться. Бесконечные крики дебоширов, пьянки раздражали, утрами длинные очереди в туалет доводили порой нервы до белого каления. Только после заочного окончания института молодому специалисту выпало направление за завод в Харьков, там семья получила отдельную квартиру. Тут, правда, жизнь потекла более спо-

койно, порой с разливами счастья, как Северский Донец в половодье: рождение детей, повышение по заводской инженерной службе, расширение квартиры, строительство дачи в пригороде, правительственные награды, приобретение легкового автомобиля «москвич». Чего не жить и радоваться! И жилось благодатно до рокового года – развала державы на суверенные осколки, крошки этих осколков, как стеклянная пыль, засорили не только многим глаза, но и мозги. Особенно самостийным президентам Украины, их продажного окружения – прошлой коммунистической верхушки. Дед сожалел о развале Союза, но никогда не сетовал о крахе Коммунистической партии. Молчаливое недовольство в адрес её у него было: он так и остался рядовым инженером на заводе, поскольку в ряды коммунистов не вступал, а значит, не имел права руководить коллективом.

Владимир Ильич, бегло вспоминая своё прошлое, пролетевшее стремительной и крикливой гусиной стаей, решил: он патриарх семьи, потому обязан собрать родных на круг и обсудить зловещее происшествие с карточками отца, содержанием записки Оленьки. Поймут ли его беспокойство дети? Ручаться не мог, поскольку западная часть народа Украины вздыбилась, кроваво сбросила с седла законную власть. Давно и остро стал понимать, что насильственные кровавые события семнадцатого года минувшего столетия, оправдываемые вождями большевиков, и возвращение утраченного политического устройства и строя через столько-то

лет на круги своя – это итог их бесконечной лжи и предательства. Отсюда вывод: разгром современных узурпаторов власти в Украине также неизбежен! Трудно сказать когда, но весна придёт, и это не желанная выдумка. Убеждение сформировалось на мировых примерах: власть, омытая большой кровью, неустойчивая, нежизнеспособная, поскольку насильственно загубленные души не успокаиваются со своим досрочным изгнанием из жизни, давят на умы и психику последующих поколений, и они начинают искать правду, смысл кровавых деяний и задавать вопросы. Дети и внуки наши, возможно, рады забыть прошлое, кто-то забывает, кто-то нет. Те же фотографии предков напоминают, и пепел безвременно ушедших стучит метрономом в сознание, хотя этот метроном беззвучный.

Владимир Ильич, а он часть народа, в принципе на житуху последних лет не жаловался. Доминировали спокойствие и относительный достаток, как у большинства простых людей. Рядом с тобой не терся богатенький, не использовал тебя в качестве раба, каждый старался улучшить быт в существующих рамках. Дед вещиизмом не страдал ни в какие времена, однако в квартире и на даче есть всё для зажиточной жизни. Деньги имелись, и жена старалась. Не спорит: приятно ощущать изобилие за обеденным столом, беспримерную заботу жены в этом плане. С удовольствием поменял старого «москвичишку» на новую марку «жигулей», совершил евроремонт трехкомнатной квартиры. Счастьем назвала жена

обновление кухни: покупку доброго холодильника, газовой печи, импортных кухонного комбайна, стиральной машины, пылесоса и прочих житейских мелочей. Только и всего? Или все-таки в таких мелочах купается счастье жизни!

Понимал Владимир Ильич, что разговор с детьми пойдёт трудно. Стал замечать за своими усмешливое отношение в адрес соседей. В Белгородской области, езды полтора часа, живёт его младший брат Тимофей, то есть детям дядя. Много раз бывали у него в гостях, нормально брат встречал, с радостью. Вернувшись домой, дети отмечали, что быт у дяди налажен хуже. Как-то беднее выглядит квартирное хозяйство и дача не терем, как тятя отстроил после выхода на пенсию в начале нулевых. Скромный дощатый домик с баней, огородом на шести сотках. Гараж есть, но пуст, никак не соберётся дядя приобрести иномарку, что хлынули из-за бугра. У них же «мерсы» немецкие, да «седаны» японские. Подчеркивают: богаче живёт украина, как Иван Грозный нарек край земли московской. Народ на своей шкуре чувствовал, что жирок в республике солиднее накоплен, в отличие соседей, а власть не афишировала, не будила зверя в народе, особенно обделённого благами на российских просторах. Кто хотел знать – тот знал. Умный помалкивал, глупый кичился. Статистика показывает уровень жизни в пользу Украины! На этих слабостях отчасти выпестована современная неприязнь к москалям. Дед понимал кем – но как-то не любил обвинять поганым словом своих соотечественников, поначалу запад-

ников, теперь и здесь, всюду, да не обойти этот ярлык. Для него ярлык, а для многих знамя национализма с рожей Степана Бандеры и ненавистной чёрной свастикой. Куда повернёт дышло несущейся телеги с крутой горы междоусобицы, вспыхнувшей факельными шествиями на майдане с кровавым переворотом? Неужели придёт настоящая угроза к нему в лице внуки?

Дед в какой раз ужаснулся. Вспомнил давным-давно растражированный подвиг пионера Павлика Морозова, боровшегося с кулачеством, в том числе донёсшего на своего отца о нехороших делах, за что и был убит. В пионерскую и комсомольскую юность в подвиг мальчика верили безоговорочно. Есть и другие версии преступления, будто мальчишка ни в чём не виноват: мать заставила написать в отместку на отца, бросившего семью, а борцом и мучеником сделала Павлика советская пропаганда. Ныне видно, как можно ломать души детям, и не только малолеткам, но и взрослым. Нет сомнения: Оля попала под молох нацистской пропаганды, причём в стенах школы. Насколько это страшно, дед сознавал и понимал, насколько тонко надо поговорить с Олей, не как на допросе, а в дружеской беседе, иначе замкнётся, и мрак, опустившийся на внучку, окутывая детский разум, будет густеть.

Не откладывая, сначала он решил потолковать с дочерью и зятем Виктором. Шла середина вечера, в комнате работал телевизор, Мария и Виктор после ужина уселись смот-

реть передачи, поджидая задерживающегося сына после каких-то студенческих мероприятий. Шёл американский боевик со стрельбой, погонями и взрывами авто, словно они начинены взрывчаткой. Дед понимал, что в такой обстановке разговора может не получиться, потому, войдя в зал, твердо с настойчивыми нотками в голосе сказал:

– У меня к вам есть серьезный разговор, вас он пока касается вскользь, но может попасть в яблочко, потому прошу выключить телек, эта дрянь ума не добавит.

Мария взяла пульт и убрала звук, выражая явное неудовольствие и недоумение. Виктор безвольно пожал плечами, мол, шапку здесь носит жена.

Владимир Ильич высыпал из газетного кулька на журнальный столик бесформенную фотографическую кучу, передал записку дочери и сказал:

– Вот по такому дикому случаю разговор. Сегодня, как вернулся домой, увидел на полу надругательство над памятью моего отца и вашего деда со стороны, думаю, Оленьки. Вижу тут её почерк, а рукой водил нечистый.

Мария внимательно прочитала записку.

– Папа, мы не будем вмешиваться в дела другой семьи, хотя и самой близкой. Оля этого сделать не могла. Она положительная девочка, занимается спортом, в частности, увлекается боевым искусством, участвует в рейдах за чистоту города, в протестах против безработицы и незаконной застройки. Она член «Патриота», непримиримый борец с наркома-

нией. Оля пополняет знания на лекциях пропагандистов организации.

– Да, это так, – согласился дед, – можешь ли ты сказать, о чём эти лекции, какую несут окраску?

– Папа, что за сомнения? Ты прекрасно знаешь, что в Харькове давно действует общественная организация «Патриот Украины», в неё входит молодежное военизированное крыло с таким же названием. У них программа – закачаться: много всего того, что не могут контролировать власти. Например, организованные старшеклассники требуют погашения задолженности по зарплате харьковчанам, требуют снижения тарифов на коммунальные услуги, но главное: издаётся специальная литература на русском языке, правда, с идеологическим уклоном.

– В чём суть этого уклона, какие семена сеют пропагандисты? – насторожила деда последняя фраза дочери. – Этот уклон может свалить наших детей в огонь и воду! Мне попал в руки учебник истории, я не нашёл там ничего о Великой Отечественной войне. Не отсюда ли дует сквозняк? Помнишь, как в дневниках Эдика и Оленьки была требовательная запись учителя – прийти в школу родителям?

Историчка с вечной своей манерой, держать в руке учебник на согнутой руке, но не заглядывать в него, давала урок о Второй мировой войне. Она называла страны-участники, главными из которых были Германия и Россия. То есть воевали за мировое господство немцы и русские. Украина, ок-

купированная большевиками, сражалась с теми и с другими за свою независимость.

– Почему вы, Вероника Ивановна, не называете самую кровопролитную войну Великой Отечественной?

– С чего ты взял, Белянкин? Вычитал в Интернете измышления наших врагов?

– Да, кое-что читал. У меня есть надежный свидетель того, что мы, украинцы, плечом к плечу с русскими освобождали от фашистов нашу землю, на которой строился социализм. Свидетель – мой прадед.

Вероника Ивановна швырнула на стол учебник истории и раздраженно сказала:

– Белянкин, твои измышления враждебны, ты обязан знать лишь то, что в учебнике, иначе ты не получишь в будущем аттестат зрелости. Я обязана пригласить на беседу твоих родителей, подай мне дневник.

Эдик повиновался, так в дневнике у него появилась грозная запись. Мария в школу не пошла, а ходил дед Владимир и получил взбучку с требованием держать язык за зубами, если хочет добра своим внукам. Его внучка Ольга не менее языкаястая, чем внук, и неудержимо врёт своим подружкам о героическом прадеде-освободителе.

– Ваш долг, Владимир Ильич, внушить внукам то, что воин Белянкин освобождал нашу землю и от немцев, и от большевиков. Кстати, знают ли ребята, в честь кого вас так называли? – с иронией в голосе спросила историчка.

Оскорбленный и раздосадованный, словно в лицо ему плеснули тухлой яичной жижей, дед сжался, собрался было резко ответить, но его такт и солидность, а больше понимание того, что перед ним не самостоятельный, а скорее всего запуганный и идеологически перелицованный человек, смолчал. Придавленный грузом лжи, он повернулся, двинулся из учительской, провожаемый молчанием педагогов, что находились в комнате с потупленными взглядами, упирающимися в пол, в стену. Это молчание Владимир Ильич расценил отрицательно, как и свою сдержанность, не высказав своей позиции. За порогом школы, присев на лавку в сквере, он обозвал себя малодушным человеком, перекинул мостик в одну из командировок во Львов, где работал его однокашник, но уже с перестроенным сознанием в сторону восторжествовавшей хрущевской справедливости в отношении репрессированных бандеровцев.

– Никита Хрущев первый увидел перехлест с репрессиями. Мой отец, крестьянин-западник, всю войну выращивал хлеб и скот, вернулся из ссылки в свои края. Я тогда был пацаном, но понял науку батьки – блюсти свою нацию, защищать её от всех вредоносных идей большевизма и выиграл: в мои руки власти Львова вручили судьбу коллектива завода. Ты, кстати, тоже не ладишь с коммунистами, потому на рядовой должности, хотя голова у тебя варит. Переезжай к нам, устрой протеже.

Однокашник был директором завода. Владимир Белян-

кин на наживку не клюнул, отмолчался, хотя в душе вспыхнуло возражение против бандеровского уклона своего однокашника, а только мягко возразил:

– Ты, Геннадий Степанович, не совсем прав. Давай не будем уклоняться от цели моей командировки.

Директор согласился, но за эти несколько дней работы на заводе Владимир понял, что доверчивые и добрые советские рабочие легко приняли взгляды директора, в частности, восхваление своей нации, стремление к самостийности и неприязни к русским. И это в конце семидесятых годов. В Харькове подобные настроения отсутствовали. А теперь?

Теперь, несомненно, он потерпел личное поражение не менее, чем разгром Советского Союза в холодной войне от американцев. Это поражение усугубилось правлением президентов Кравчука, Кучмы и их последователей. Он ждал нового удара, который вскоре последовал.

У его приятеля Анатолия внуки близнецы, мальчик и девочка, шестиклассники. Над ними и их одноклассниками, по словам товарища, в школе проводился чудовищный эксперимент. Владимир Ильич сначала не поверил словам, посчитал бредом пьяного человека. Приятель действительно был выпивший, потому, скорее всего и пошёл на такое откровение. Из сумбурного рассказа выходило, что директор школы пригласил в кабинет учительницу, ведущую естественные предметы и анатомию, усадил её напротив себя и, несколько смущаясь, сказал:

– Людмила Павловна, наши друзья предлагают внедрить в программу занятий некоторые новшества.

– В чём оно заключается? – насторожилась учитель, видя смущение директора.

– Истинная демократия доступна массам в том случае, если люди полностью раскрепощены в мыслях, в поступках, в образе жизни. Наши традиции воспитания устарели, их надо в корне менять.

– Это не просто. Что же предлагают «наши друзья»? – в голосе звучала ирония.

– В субботу у вас дополнительные занятия. Предложите ученикам показаться на уроке в нательном белье. Проведите наглядный урок анатомии на близнецах Гуренко.

– Как? Раздеть детей в классе? Меня сочтут сумасшедшей!

– Вот за это сумасшествие наши друзья хорошо платят. – Директор вынул из кармана пухлый конверт и протянул его учительнице. – Это пока аванс, отказываться бессмысленно, найдутся другие, а вы схлопочете неприязнь.

– И что же, мои внуки с восторгом восприняли раздевание в классе, показывая свои тела! – с негодованием рассказывал приятель Владимиру Ильичу новость, бередившую душу. – Я случайно подслушал детей, собравшихся возле качелей, когда возвращался из магазина. Они шумно обсуждали событие. Для них, видите ли, прикольный урок получился. Смеются. Это что же происходит у нас на глазах, с какой

целью?

Владимир Ильич уставился на приятеля остановившимся взглядом, словно его оглоушили дубинкой по голове. До него дошел зловещий смысл, вытекающий из рассказа.

– Я смотрю, Володя, с тобой неладно?

– Очень неладно, Толя, школа растлевает наших детей, растаптывается наша человеческая мораль, а мы молчим!

– Мы с тобой плетью обуха не перешибём. Школа встроена в систему прочно. В ней, видишь, какое тайное течение обнаружилось, захлестнуть может любого.

– Уже захлестывает. Дети от нас оторваны, меня они не хотят слушать, но всё равно своих внуков мы с тобой обязаны оберегать от лжи.

– Как?! – воскликнул приятель. – Коли мы теперь ноль без палочки!

Удрученные старики ещё долго сидели на лавке в сквере, пуская пузыри негодования, расписываясь в своей беспомощности, видя, что их личный пример и жизненный опыт ничего не стоят.

Владимир Ильич выплеснул на дочь и зятя забытые факты, давая им отрицательную оценку:

– Мы, как кроты, поживаем в спокойствии, а враги не дремлют!

– Ты, отец, хватил лишка, – поддержал Виктор свою жену. – Оля к нам стала редко ходить, взрослеет, у них свои

интересы. Эдик наш тоже в студенческом «Патриоте Украины». Ничего дурного мы за ним не замечаем. Да и ты тоже, согласишься.

– Ведет он себя нормально, учится хорошо, но знания истории у него ложные. Если год назад он пытался докопаться до истины, то теперь утверждает, что присоединение Украины к России – это решающий шаг в возвышении азиатской, отрезанной от моря Московии до уровня могущественной державы. Не царь Петр Первый прорубил окно в Европу, а им стала европейская Украина. Президент Кравчук, первый коммунист Украинской ССР, утверждает, что наш народ вел извечную борьбу против российской неволи.

– Папа, заканчивай свою политинформацию, – оборвала отца Мария, – не втаскивай нас в грязь политики. От неё не отмоешься. Слава Богу, уровень жизни у нас гораздо выше россиян. Пример тому семья дяди Тимофея, чего нам на него равняться?

Владимиру Ильичу рот благополучно заткнули. Огоршил и внук Эдик. На вопрос: какие задачи видит студент политехнического института, ответил:

– Моя задача, деда, учиться на отлично, а потом отлично работать, это будет мой вклад в великую идею Белой Евразии с центром Украины под властью Белого вождя.

– Какого вождя? – не понял дед.

– Нашего президента, разумеется, от «Патриота Украины», – ответил Эдик и, подхватив рюкзак с книгами, вылетел

из квартиры, оставив в недоумении старого человека.

Чего же боялся Владимир Ильич в противовес своим взрослым детям?

2

Ответ на свой вопрос и беспокойство дед Владимир получить от родных не мог. Его насторожила полученная информация о «Патриоте Украины», и он стал изучать работу организации, понимая, что без целенаправленной идеологии тут не обошлось, а результат налицо – изорванные фотографии фронтовика. Первые шаги привели его к Андрею Евгеньевичу Билецкому – основателю «Патриота Украины».

С каким же соусом – острым с аджикой или пресным на постном масле можно есть его идеологические выпечки, чтобы не навредить своему здоровью? В какие одежды он ряжен, какие любит украшения, указывающие на идеологическую принадлежность, а главное: какие сверхзадачи при этом он ставит перед собой? Даже при поверхностном знакомстве оказалось, что Билецкий (дед, по своей натуре консерватор, имел привычку сравнивать свои впечатления по прежним канонам) ярый представитель коричневой чумы. Это выражение явилось точным определением штурмовиков Германии, носивших коричневые рубашки. Билецкий таких рубах не носил, одевался в нормальные светлые гражданские костюмы с галстуком, но символика его сопровождала нацист-

ская, прежде всего свастика. Хотя свастика, как таковая, у древних народов связана с добром, с изобилием, символизируя движение, жизнь, свет. Славянские обереги зачастую представлены свастикой. После поражения Германии в Первой мировой войне Фридрих Крон разработал оригинальную версию нацистской свастики и флага. В дальнейшем изображение пришлось по вкусу Гитлеру, модифицированное, оно стало флагом нацистской Германии.

В официальной биографии Билецкий – уроженец Харькова, родился в 1979 году, с отличием окончил исторический факультет института, весьма энергичный украинский политический деятель, создатель и руководитель расистских организаций «Патриот Украины» и Социал-национальной ассамблеи, входивших в «Правый сектор», идеолог социал-национализма, руководитель силового блока «Правый сектор-Восток».

В начале нулевых годов Билецкий под влиянием российских неонацистов поддерживал объединение славян и был против интеграции в Евросоюз. В 2014 году пересмотрел свои взгляды, сформировал батальон «Азов», который освободил Харьков от сепаратистов, поддерживаемых российскими силами. Известно, что батальон разросся в полк, но полковник Билецкий покинул его. К этому времени за ним прочно закрепилась кличка «Белый вождь».

Владимир Ильич силился понять, какие силы и течения влияли на формирование в этом человеке антагонистиче-

ского начала – фашизма. Человек начинал учиться в советской школе, институт окончил в начале нового века. Историк, учебники и педагоги не могли так резко повлиять на его взгляды. Это в последние десятилетия переписали историю, заменили действующие учебники на новые, тенденциозные, заложив мины под союзные достижения, взорвав их на май-дане в феврале четырнадцатого года. К этому времени Андрей Билецкий выглядел махровым нацистом, с презрением относясь к Степану Бандере и тем людям, которые олицетворяли старый национализм. Сдается деду Белянкину, что ультраправые взгляды и создание «Патриота Украины» подогревало солидное зарубежное денежное вливание.

«Дали субчику много денег, купили! Вот и окрасился», – вынес безапелляционный вердикт Белянкин.

Вот о каком вожде турусил внук Эдик. Оказалось, далеко не простая болтовня. Тонкая агитационная работа Билецкого восхитила. Андрей написал программу молодежного крыла своей организации, поскольку видел будущую власть в своих руках с поддержкой сегодняшних старшеклассников и студентов, принёс на согласование с губернатором Арсеном Аваковым, изложил свою методику действий на примере уже достигнутых первых результатов.

– Работа с юношеством – дело тонкое, Арсен Борисович, потому осторожность и такт не помешают. Деньги на мероприятия, как вы знаете, дают нам друзья. Используем их на благо нации. Надеюсь на вашу горячую поддержку.

Пробный камень Билецким был брошен в группу юношей с довольно посредственными успехами в школьной учебе, но крепких физически, тяготеющих к боксу, борьбе без правил, к ножевому бою. Отбирал лично, знакомился с ребятами. Среда благодатная, подростки под его началом провели несколько рейдов за чистоту города. Удалось наглядно показать, насколько значимы проведенные молодежные рейды: возле общественных мест по предложению участников появились урны, отремонтированы и окрашены многие остановки автобусов и троллейбусов, на слабо освещенных улицах появились дополнительные фонари. Вскоре Андрей подвел промежуточный итог в одном из спортзалов города, чтобы убедиться в верно избранном методе, в то же время утверждаясь в лице юношей как незаурядная личность. Сами ребята видели, что сдвиги после рейда есть внушительные. Андрей поименно хвалил активистов, награждал ценными подарками, никто без внимания не остался, что вызвало чувство гордости за себя, за своего лидера и его исключительность. Вожак запросто рассказывал о своих достижениях в учебе и спорте:

– Мне удалось в вашем возрасте выиграть десятки боев на ринге и получить первый юношеский разряд по боксу. Меня захлестывало желание освоить другие виды спорта, например, фехтование, борьбу без правил, искусство ножевого боя, – говорил собранный, подтянутый парень в спортивном трико без всякой рисовки. – Я кидаю в цель нож с два-

дцати метров. Увлёкаться стал после знаменитого американского вестерна «Великолепная семёрка». Этот шедевр до сих пор живёт в моём сердце, я восхищаюсь мужеством бойцов, вставших на пути банды. Вы должны также умело драться с теми, кто посягнёт на нашу свободу. Доходчиво и впечатляюще.

Вместе с тренером он тут же показывал своё мастерство, вызывая восторг и уважение юношей.

– Если у вас не всё ладится с учебой, каждый из вас может себя показать в боевом искусстве для достижения главной цели: сделать Украину центром Великой Белой Евразии с властью Белого вождя.

Билецкий получил полную поддержку губернатора в своих начинаниях, став кумиром среди молодежи. В школах и спортзалах последовали серьёзные тренировки по боевым видам спорта, непременно короткие, но емкие лекции на историческую тему, в которых Украина показана обобранной русскими, усечённая многими землями. Современная территория Украины – это имперское прошлое украинских государств – государства скифов, Киевско-Русской империи, казацкого государства, а также утерянная возможность колоссального увеличения этнической территории в XIX веке.

– Кто, как не вы, просвещённое поколение, вскормленное на национальных интересах нашего народа, должны устранить эту несправедливость?! – спрашивал вождь, и его помощники, возвышая голос, выкидывая руку вперед на уров-

не головы, восклицая:

– Слава нации – смерть врагам!

Следовал не совсем дружный ответ с таким же жестом руки:

– Слава нации – смерть врагам!

– Хорошо, – говорил удовлетворенно Андрей, – для первого раза даже очень хорошо. Давайте тренироваться, чтобы от силы возгласа заиграли стекла в окнах спортзала:

– Слава нации – смерть врагам!

В ответ раздавался многоголосый клич, с дружным жестом руки. И так повторялось трижды. От возбуждения лица ребят горели алым румянцем, словно отблеск полыхающего будущего очистительного огня.

Собирая группу одаренных старшеклассников и студентов, отличившихся в общественных мероприятиях «Патриота», Билецкий ставил на кон успехи ребят:

– Вы, успешные школьники и студенты – наш золотой фонд. У вас есть все шансы побеждать как в спортивных схватках, так и на различных математических, химических и других олимпиадах. Вы должны убедить себя в том, что равных вам нет. А коль мы убеждаем себя в этом, и, побеждая одни в одном, другие во втором, то мы все вместе будем доминировать в мире. Тогда цель наша – Великая Белая Евразия с центром в Киеве будет достигнута.

Мысль Билецкого шла дальше, он доверительно говорил своим младшим товарищам о том, что они станут руково-

дителями предприятий, организаций и должны вести за собой массы для защиты белой расы путём создания антидемократического и антикапиталистического строя «нациократии», искоренение «интернационально-сионистского спекулятивного капитала». На II Всеукраинском съезде «Патриота Украины», который состоялся в 2008 году в Харькове, он высказал мысли о том, что национал-либералы не правы, отдавая приоритет вопросам культурного национализма (в частности, языковому), а не расовому аспекту. Национальная культура происходит от природы народа, а не от языка, религии, экономики, при этом языковой вопрос не является ключевым. Крылатой стала его цитата: «Историческая миссия нашей нации в этот критический момент – возглавить и повести за собой белые народы всего мира в последний крестовый поход за своё существование. Поход против возглавляемого семитами недочеловечества».

«Кто как не Россия стала оплотом еврейской нации в начале прошлого века вместе с главарями большевиков, которые сплошь евреи, – громил Билецкий прошлые деяния либералов различных партий, особенно социал-демократов. – Они во многом способствовали свержению царской власти, совершили переворот в октябре семнадцатого года, ввергли страну в хаос и Гражданскую войну. Удивительно, при Советам слово „еврей“ стало оскорбительным, надо было произносить мягко: „Вы, товарищ, еврейской национальности?“ Смешно! Мы должны освободиться от ложного притворства

и возвести свою нацию на престол народов Евразии».

«Неужели к этой группе относится Оля? – с ужасом думал дед Белянкин. – Старые времена возвращаются, когда даже родные сексотили краснопёрым в органы друг на друга. Самые близкие люди не имели права скрывать крамольные высказывания и доносили. Ложась в постель с вечера, люди не знали, долежат ли до утра в спокойствии?»

Среди своих сверстников Оля Белянкина выделялась не только внешней красотой растущей девушки, но прежде всего твердым характером заводицы, смелой и независимой от мнений приятелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.